

"Рождение в пламени (СИ)"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Рождение в пламени

Автор: Урфин Джюс

Беты (редакторы): Strange_time, salt-n-pepper

Фэндом: Ориджиналы

Персонажи: м/м

Рейтинг: NC-17

Жанры: Слэш (яой), Ангст, Драма, POV

Размер: Миди, 83 страницы

Кол-во частей: 18

Статус: закончен

===== 1 =====

- Я написала твоему отцу. Нужно дождаться ответа прежде чем что-то решать. - Александра выпустила в потолок колечко дыма.

- Отцу? - я потрясенно уставился на нее.

- Таир, я не буду рассказывать тебе про пестики и тычинки, да?

- Отцу?! - меня основательно заклинило.

А кого бы не заклинило, если бы ты всю жизнь просуществовал с прочерком в графе отец? И вот спустя 14 лет тебе как ни в чем не бывало сообщают, что он у тебя все-таки есть.

Александра - моя вторая мать. Две недели назад моя биологическая мама погибла в автокатастрофе. И нас завертело в пучине кошмара: дознание, похороны, переезд и борьба со службой опеки выматывали и морально, и материально, и физически.

Они возникли на следующий день после похорон мамы. Три толстые тетки, с сочувствием глядя на меня, вручили Александре постановление, собираясь забрать меня в интернат как сироту. Александра, дернувшись всем телом, поинтересовалась, почему я не могу остаться с ней. На что одна из теток, покрывшись нездоровым румянцем, ядом плевала в Александру:

- А Вы ему никто. Да и кто даст лесбиянке право воспитывать чужого ребенка? У нас, слава Богу, нормальная страна, где нет места таким уродам.

Зря она так сказала... Это только с виду Александра похожа на тощего подростка. Через пару минут, выпнув последнюю тетку из квартиры, она, захлопнув дверь, сползла по ней на пол и разревелась. Я никогда не видел, что бы она плакала. Даже когда была на опознании, даже когда первая кинула мерзлые комки земли на крышку гроба мамы. Поревев и поматерившись

она встала и уже с сухими глазами заявила:

- Вещи собрал живо. Поживешь пока у кого-нибудь из наших.

Я кочевал из семьи в семью, пока Александра пыталась выбить себе право на опеку. Но ни ее статус профессора в Институте восточных культур, ни то, что она воспитывала меня с рождения не могли убедить чиновников в том, что она и есть моя семья.

- Не ори. Мой основательно вытраханный службой опеки мозг этого просто не вынесет. Вариантов у нас больше нет. Либо твой биологический папаша, либо интернат.

Она взъерошила темный ежик коротко стриженных волос и раздавила сигарету в пепельнице.

- Ты знала моего отца?

- Видела пару раз.

- Кто он?

- Как я не люблю всю эту поибень. Отдает мелодраматическим фарсом. Слушай внимательно, рассказываю один раз. И то по необходимости. - раскуривая следующую сигарету, ворчала Александра. - В общем это было так. Пятнадцать лет назад у нас в институте была делегация из одного дружественного экзотического государства. У твоей мамы случился короткий роман с одним из них. Поженится они не могли, сам понимаешь, да и твоя мама прекрасно понимала, что узнай он о сыне забрал бы тебя немедленно, потому что ты его первенец, что равнозначно наследнику. Вопросы?

- Вопросы? - психанул я. - Да это пиздец какой-то. А раньше мне сказать было нельзя?

- И что бы это изменило?

Я растерялся. Действительно, что бы это изменило? У меня были родители. Александра и мама. И вот сейчас я теряю их.

- Может лучше интернат?

- Ебанулся? - Александра схватила меня за руку и поволокла к зеркалу. - Смотри! Что ты видишь?

- Ничего. - я пожал плечами, разглядывая себя. Ничего необычного, разве что похудел немного.

- Таир, этот тощий подросток из профессорской семьи протянет в интернате с недельку. И то, если он умеет быстро бегать. Ты посмотри на себя!

- Кто виноват, что я так не удался. - хмуро разглядывал я отражение.

Подросток в зеркале был не высоким, тощим, с темно-рыжими лохмами и белой кожей.

- Весь в мать. - Александра судорожно обняла меня. - Выхода у нас нет. Пока не получим ответ от твоего отца, будем бегать от Попечительского совета. Стервятники!

Ответ мы получили через неделю. Да еще какой.

Перед нами затянутые в деловые костюмы сидели два человека: один, с непроницаемым лицом, состриг несколько моих волосков и, взяв мазок с внутренней поверхности рта, упаковывал это в контейнеры; второй пристально смотрел на меня. А я на него. Высокий темноглазый с хищным профилем и смуглой кожей он совсем не вписывался в мою действительность. Судя по его взгляду, я тоже не особо вписывался в его.

- Чтобы получить результаты теста ДНК, нам нужно минимум два дня. - обратился он к Александре.

Та хмуро кивнула ему в ответ. Протянула мне руку и я, забыв про свои четырнадцать лет, вцепился в ее спасительную ладонь.

- Если тест подтвердит мое отцовство, Александра, - мужчина довольно - таки хорошо говорил по-русски. - Я заберу мальчика с собой. Вы же понимаете?

- Малик, я понимаю, но Вы сами готовы к тому, что бы Таир стал Вашим старшим сыном? - голос Александры звучал тихо.

-Это не обсуждается. - уголок рта мужчины нервно дернулся, разрушая маску надменной вежливости.

-Я хочу поддерживать с ним связь и видеть его. - Александра крепче сжала мою руку.

- Нет.

Она подняла на него горящие ненавистью глаза.

- Таир - мой сын.

- Не обсуждается. И без глупостей, Александра, мои люди присмотрят за Вами и мальчиком. - мужчина встал из-за стола. - После получения результата я с Вами свяжусь.

После его ухода в квартире повисла тяжелая гнетущая тишина. Александра, уронив голову на скрещенные руки, казалась совсем маленькой и беспомощной, как взъерошенный воробушек. Решение отдать сына согнуло эту непреклонную женщину, которая гордо задрав подбородок, шла против течения всю жизнь. Всю жизнь боролась за право жить с любимым человеком и оберегала свою семью с отчаянной злостью. Но теперь она должна отдать смысл своей жизни только потому, что много лет назад ее любимая женщина взрастила в своем чреве семя этого человека. Жесткие морщинки горя темными штрихами протянулись к уголкам ее рта.

-Это лучше интерната, Таир. - Голос женщины даже не дрогнул.

===== 2 =====

-Тебе не понадобятся эти вещи. - мужчина смотрел на меня сверху вниз.

Я упрямо вцепившись в ручку сумки тащил ее за собой. Вещи! Там моя жизнь, а не вещи. Слезы злости и боли застилали мои глаза. Мы молча прошли на посадку, и я, усевшись в кресло, отвернулся к иллюминатору.

- Таир, - мужчина коснулся моей руки. - Ты думаешь, я в восторге от сложившихся обстоятельств?

- Можно было оставить меня с Александрой. - огрызнулся я. - Мы прекрасно жили без Вас

раньше и жили бы дальше.

-Нельзя. - отрезал мужчина. - Ты - мой старший сын. Наследник.

- Об этом никто бы не узнал. Мне ничего не нужно от Вас.

- Об этом знаю я.

Мы никогда не пойдем друг друга. Эта мысль заставила меня поежиться. Я смотрел на абсолютно чужого человека, выискивая хоть какую-нибудь общую черточку, которая бы помогла мне принять его. Но мы, казалось, были прямой противоположностью друг другу: он был высок и крепок, я худ и тщедушен; у него были жесткие прямые иссиня - черные волосы, мой волос вился темно-рыжими кудрями; его глаза были почти черными, мои - серыми; его плавные, красивые, но скупые жесты резонировали с моей эмоциональной и порывистой жестикуляцией.

- Я хотел бы немного рассказать тебе о своей стране. - не поворачивая головы произнес мужчина. - В первую очередь о том, что сильно рознит нас.

Я с интересом прислушивался. Александра и мама, будучи профессорами в Институте восточной культуры, немало рассказывали мне о других странах.

- Наше мировоззрение в корне отличается от европейского. - голос Малика был тихим и это заставило меня придвинуться чуть ближе. - Оно основано на почтении и уважении. Если ты примешь это как данность, тебе будет проще принимать изменения в твоей жизни. У нас много запретов и правил, которые направлены не на то, чтобы подавить тебя, а на то чтобы помочь тебе стать достойным человеком. Я нанял для тебя учителя, который ознакомит тебя с правилами поведения, обучит языку и познакомит с нашей культурой.

Я слушал и чувствовал как волна негодования, поднимаясь в моей душе, подмывает хрупкое спокойствие.

- А что будет, если я не пожелаю жить по вашим правилам?

- У нас с тобой нет иного выхода. - Отрезал мужчина и, прикрыв глаза, погрузился в размышления.

Меня с ног до головы окутала липкая влажная жара, как только мы спустились с трапа. Джинсы и футболка моментально прилипла к телу, и я с завистью посмотрел на просторные светлые одеяния Малика. Но я сам отказался сменить свою одежду. И, когда мы уселись в лимузин, ожидающий нас у входа, я был в состоянии вареного яйца, поэтому дикая радость от желанной прохлады совсем заслонила от меня тот факт, что эта шикарная машина принадлежала моему новоявленному отцу. Я с любопытством разглядывал пейзаж за окном: небоскребы сверкали драгоценными камнями под беспощадным солнцем так, что было больно смотреть; обилие зелени и чистота поражали мое воображение, а фонтаны, рассеивающие живительную влагу, встречались так часто, что я стал забывать про реальность, погружаясь в сказочную атмосферу Востока. И это состояние нереальности происходящего окончательно поглотило мой разум.

Когда мы подъехали к белоснежному дворцу, я искренне восхищался, глядя на изящные купола и воздушные башенки, утопающие в зелени, а сапфирная гладь воды зеркалом

окружала здание. И заморожено шел за Маликом, забыв, почему я вдруг оказался в этой сказке.

- Таир. - голос Малика, такой же тихий, вдруг налил силой. И я резко выпал из марева восточной сказки. - Познакомься. Эта твои братья и моя старшая жена.

Я околел. Как я об этом раньше не подумал? Передо мной стояла семья Малика. Три высоких подростка и маленькая девочка, которая держалась за руку женщины.

-Это Амир. Мой... второй сын. Рашид и Хасан. Наджиха - моя старшая жена.

Амир обжег меня взглядом знакомых глаз. Уменьшенная копия своего отца. Сделав шаг навстречу, он процедил сквозь плотно сжатые губы приветственные слова и шагнул назад, скрестив руки на груди, с вызовом глядя на отца. Тот хмурился в ответ.

- Наджиха! - подхлестнул его голос женщину. - И она склонилась в приветствии, не отрывая взгляд от пола. - Это мой наследник, Таир. - Пальцы Малика сжались на моем плече, почти выламывая его. - Проведите его в покои пусть отдохнет.

Амир, развернувшись, впечатывая шаг, отправился впереди меня. Распахнув передо мной двери, вошел следом, Рашид и Хасан последовали за нами. И если взгляд Амира был переполнен злостью и презрением, то эти двое лучились доброжелательным любопытством. Но Амир что-то прорычал им и те, недоуменно переглядываясь, покинули комнату. Амир был почти на голову выше меня и значительно крепче.

- Таир, ты похож на постельную игрушку, и мне стыдно смотреть на наследника нашего дома. - вздернув подбородок выдавил парень на весьма хорошем русском.

- Не очень - то и хотелось, знаешь ли. - дернулся мой подбородок в ответ. - Быть наследником того дома, где забыли про уважение.

Амир моментально вспыхнул на мою колкую фразу.

- Постарайся сохранить остатки чести и гордости нашего отца! - он резко развернувшись вышел.

Это стычка совсем выбила меня из колеи. Я, конечно, не ожидал радушного приема, но и подобного не ожидал. Почему? Я же не успел сделать ничего плохого этому парню?

Я осматривал комнату: огромная светлая, украшенная с поистине восточной роскошью. На полу лежал яркий пушистый ковер со множеством думочек, горой уложенных возле низкого столика на фигурных ножках. На столике стоял кофейник и целая гора всевозможных сладостей, источая соблазнительный аромат, высилась рядом. Всегда любил сладкое, но сейчас мне было не до этого. Я побрел в сторону кровати спрятанной под полувоздушным пологом и, отодвинув его, рухнул на нее. Обняв подушку и вдохнув незнакомый запах каких-то благовоний, зарыдал. Жутко захотелось домой, сидеть на прокуренной кухонке, слушая резкую на язык Александру, и неторопливо пить чай. Почему я здесь? Здесь я не нужен никому.

- Кхм... раздалось со стороны двери. - Могу я потревожить Ваш покой, Таир?

- Да, конечно. - быстро растирая слезы по лицу, поднимался я на встречу незнакомцу. Встав я растерялся. Что делать? Мне нужно пригласить его в комнату? Но тут даже присесть не где, кроме как на кровать.

- Поприветствуйте меня, Таир, и пригласите войти. - подсказывал незнакомец. Акцент у него был более заметен, чем у Малика и Амира.

Я поздоровался и приглашающим жестом обвел комнату. Мужчина подошел ко мне и, протянув руку, произнес:

- Я Ваш учитель, Таир. Обращайтесь ко мне мударэс Манар.

И он опустился на ковер, скрестил ноги и вытащил себе из горы подушечек одну. Я последовал его примеру. Но мои джинсы явно были не приспособлены для подобного времяпрепровождения и впивались в кожу жесткими складками заставляя меня морщиться.

- Почему бы Вам не выбрать себе одежду, не отвлекающую Вас? Запомните, Таир, у нас тут ценят чистоту души, тела и дома. Но поскольку Вы словно младенец, я Вам расскажу обо всем и поправлю.

Прервали нас только под вечер после того, как в дверь робко постучал слуга и пригласили к ужину.

Сев по правую руку от отца я замер.

- Как прошло первое занятие, мударэс? - минуя меня, но обращаясь по-русски, спросил Малик.

- Мне сложно ответить Вам, ас-сайи, пока мне более интересно, чем моему ученику. - задумчиво проговорил учитель.

- Я на Вас очень надеюсь. Мой сын вырос совершенно в другой среде.

- Амир, я хочу, что бы ты помог Таиру.

-Да, отец. - Опустив взгляд произнес юноша.

Как бы мне эта помощь не вылезла боком.

===== 3 =====

- Посмотрите, Таир, вот тут Вы пропустили харакаты. - терпение мударэс было бесконечным. - И вязь должна быть изящнее. Ваша мысль достойна красивого выражения, не так ли?

Дверь с шумом распахнулась, и на пороге виновато застыли Рашид и Хасан.

- Извините, мударэс, - коснулись они кончиками пальцев пола в покаянном жесте. - Мы думали, Таир закончил обучение.

- Вы не виноваты. Я так каждый увлечен раз вашим братом, что забываю о времени. Мы закончили. - и он, собрав свои вещи, неторопливо удалился из комнаты.

Как только за мударэс закрылась дверь Рашид подскочил к Таиру и, смеясь повалил на разбросанные вокруг подушки. Барахтаясь среди них они хохотали. Хасан, схватив одну из думок, стал шутливо поколачивать Рашида, приговаривая:

- Рашид, хаби би, никакого почтения к старшему. Слезь немедленно с него и умоляй о

пощаде...

Прошло три месяца. Три мучительных месяца моего пребывания здесь. Но смирения в душе так и не наступило. Я с удовольствием учил язык, проводя часы с мударэс, постигая глубину культуры. Рашид и Хасан приняли меня сразу и скрашивали часы моего одиночества, стремясь прогнать мою тоску по дому. Вот и сейчас они уговаривали поехать меня в аквапарк.

- Таир-джан, поехали! Ну что ты все время с книгой или с мударэс? Хуже старца из Дивана! - теребил меня Рашид.

- Он боится за свою белую кожу, сахарный наш. - фыркнул Хасан.

Доля правды была в словах одного и другого. Чувствуя свою ненужность и избегая конфликтов с Амиром и его матерью, я чаще проводил время в комнате или библиотеке. А под палящее солнце старался не попадать вовсе, потому что минут через 10 получал весьма ощутимый ожог.

- Поедем, поедем. - сдаваясь, я поднял руки. - Только после обеда.

За обедом я сидел по правую сторону от отца, а он неспешно беседовал с учителем и подкладывал мне кусочки мяса. А я с трудом мог их проглотить, они вставали мне поперек горла от жгучих, темных от сконцентрированной ненависти, взглядов Амира. Я покосился на Наджиху, она, встретив мой взгляд, спросила:

-Ты до сих пор обжигашь свои нежные пальцы о горячее мясо, Таир?

Казалось бы безобидный вопрос, но сколько подводных рифов и сарказма скрывает эта фраза.

- Наш род всегда гордился закаленными воинами, а теперь мы будем дуть на нежные пальцы. - смеясь ответил ей Амир.

- Что ценится выше силы, Амир? - обратился к нему мударэс.

- Отвага?

- Насколько ценна безголовая отвага? Выше силы ценится мудрость, Амир, и Всевышний знает, что делает, если дарит отцу мудрого сына.

Амир потупил взгляд, выражая покорность, но сжатые добела в упрямую полоску губы не обманули никого.

Я еще раз посмотрел на Наджиху, и она пробормотала, обращаясь в никуда:

- Кто знает замыслы Всевышнего, учитель? Что для него наши судьбы? Оружие? Пример?

Я всей кожей чувствовал волны опасности идущие от этой женщины. Ядовитая кобра.

После аквапарка, нахлебавшись воды и накатавшись до тошноты с горок, я, едва добравшись до комнаты, моментально уснул. Мне снилась Александра. Она, стоя на нашей кухоньке, писала что-то на запотевшем стекле тонкими пальцами, а я старался рассмотреть, что же она пишет

мне. Но гибкая тонкая вязь таяла в сухом воздухе еще до того, как я мог разобрать ее. Я с досадой просил ее сказать мне вслух, но она, печально пожимая плечами, выводила снова и снова прозрачные слова. Проснулся я с тяжелой головой и глухим чувством тоски.

Влажная южная ночь уже окутала город, насыщая воздух тяжелыми ароматами роз, благовоний и треском цикад. Пойти подышать?

Узкой горной тропинкой я карабкался выше, чтобы, застыв в позе Будды, наслаждаться прохладой и любоваться на острый полумесяц, отражающийся в темных водах моря. Зброшенный кусочек дикой природы. Мне нравилось бывать здесь, куда не кинь взгляд бескрайнее море пело под ногами свою песнь свободы. И я заморожено слушал его и любовался на кипящие барашки волн, омывающие острые пики подводных камней. Именно тут мне чудилось единение этого мира, когда прекрасное величие вдруг, обнажая свои глубины, демонстрировало смертельную опасность для оступившегося. Я подошел к самому краю скалы и, раскинув руки с удовольствием, подставлял свое тело порывам свежего ветра. Наслаждаясь его мягкой лаской, позволял ему выдувать из своей души весь груз тяжелой тоски, страх и обиды.

-Какая прекрасная ночь, Таир-джан.

Я отступил от края, узнавая голос Наджихи.

- Почему Вам не спится, саида?

- Мне давно не спится, мальчик. С тех пор как мой сын потерял все, для чего его воспитывали с рождения.

-Я не виноват. - Вздохнул я. Впервые Наджиха говорила прямо.

-Я знаю, мальчик, на все воля Всевышнего. А пути его неисповедимы. Не ведомо мне, простой женщине, зачем он так щедро одарил чужака, оттолкнув верных сынов своих от руки своей.

- Саида, - я вдруг поверил в чудо. - Мне не нужно этой жизни. Не нужно наследства, я бы хотел вернуться назад. Если бы мне помогли...

- Мой муж, никогда не откажется от наследника.

- Но я могу отказаться, саида, отказаться от наследства. И все вернется на свои места.

- Можешь. Но только после смерти своего отца. А мой муж, дай Всевышний ему долголетия, крепкий мужчина. И Амир будет жить в твоей тщедушной тени еще много-много лет. И кто знает, может через это время ты полюбишь все то, от чего теперь так бездумно отказываешься.

-Саида. - я в искреннем порыве шагнул к ней. - Поверьте мне.

- Чужак, не смей приступать дозволенное тебе расстояние!

И я отшатнулся с извинениями, боясь оскорбить эту надменную женщину.

- Я не верю что ты, белый сахар, способен на такие жертвы. - посмотрев на меня, она шагнула вперед.

- Прошу Вас, саида. - умоляюще скрестил я руки на груди. - Поверьте. - отошел я назад, стараясь сохранить почтительное расстояние. - Это не такая большая жертва для меня.

- Жертва. - Наджиха сделала еще один шаг ко мне. - Вот и я после слов мударэс, которые он произнес во время обеда, задумалась. Чего же хочет Всевышний? Какую роль приготовил он нам в этом мире? Не должна ли мать пойти на любые жертвы ради своего ребенка?

Я нервно сглотнув сделал еще один шаг назад, понимая что не откровенничать пришла сюда сегодня эта женщина.

- Говорят, твоя мать погибла, Таир?

- Да. - глухо ответил я.

- Жаль. Скучаешь?

- Очень.

- Хорошее имя дала тебе мать, Таир - летящий, может быть это предназначение?

И она, кинувшись ко мне, с силой толкнула в грудь. Я раскинув руки, стараясь уцепиться за ее просторные одежды, упал на самый край обрыва. Мелкие камешки сорвавшись полетели в пропасть.

- Лети, пари, мальчик! - крикнула Наджиха и пинком сбила меня в бездну.

Стараясь поймать рукой воздух, я с широко раскрытыми глазами смотрел на быстро удаляющуюся фигурку, застывшую на краю обрыва. И не верил происходящему, пока холодные волны не хлестнули меня по телу острой болью, принимая меня в свои темные объятия. Я, захлебываясь, барахтаясь, старался выплыть, животный страх заставлял меня, сдирая мясо с ладоней до кости, цепляться за подводные камни стремясь наверх. Море, перестав быть ласковым, словно озлобившееся животное, срывало с меня одежду и швыряло на острые пики камней. Захлестывая мои крики соленой водой. Я терял силы и веру, цепляясь слабеющими руками, пытался удержаться на поверхности. Но очередная волна, подхватывая меня, швырнула на камни и я, чувствуя острую боль, погрузился в темноту.

===== 4 =====

Я был сгустком боли. Боль, то ослепительно белая, то кипуче красная, захлестывала мое сознание, и я плыл, покачиваясь на волнах этой боли. Выныривая на поверхность сознания, оглядывал низкий деревянный потолок и снова погружался в пучину бреда. Наконец, я смог задержаться на поверхности, не теряя сознания. Я прислушался: вокруг шумело море, слышалась брань и мерное гудение. Меня покачивало.

Я повернул голову и обозрел темное маленькое помещение, потом попытался сесть. Боль моментально разлилась по всему телу, а из груди раздался жалобный стон. Тем не менее я дополз до ближайшей стенки и сел, привалившись к ней спиной. Проснулся второй раз от того, что кто-то обтирал мне лицо. Открыв глаза, я увидел невысокого светловолосого юношу, его голубые глаза с тревогой всматривались в меня.

- Ты меня слышишь?

Я кивнул в ответ.

- Значит, ты меня понимаешь?

Я с недоумением посмотрел на него.

-Пей. - он с ложечки вливал мне в рот воду.

Я жадно глотал.

- Кто ты? Как тебя зовут? - после спросил он меня.

Кто я? Вакуум в голове абсолютный. Кто я? Как меня зовут? Я испугано посмотрел на юношу.

- Не знаю. Не помню. - прохрипел я.

- Я Гайс. Ты поспи. Может потом вспомнишь.

Проснулся я от резкого крика. Открыв глаза, я повернул голову и увидел, как Гайс отбивается от навалившегося на него мужчины. Гайс кричал, стараясь скинуть с себя матроса. Но тот, подломив под себя хрупкое тело юноши, насильничал его.

Вдруг сверху послышался шум, и в комнатку кубарем влетел еще один матрос. Схватив насильника, он отволол его в сторону и с силой впечатал в стену. Тот, хрюкнув, безжизненной кучкой осел на пол. Подлетев к Гайсу, он схватил его за подбородок тщательно всматриваясь в лицо, потом так же тщательно осмотрел все тело. Удовлетворившись осмотром, он вернулся туше насильника и, пнув его, выругался:

- Грязная свинья, ты решил испортить мой товар?!

Выхватив нож, он задрал ему голову и черкнул по обнаженному горлу. Кровь булькая, хлынула из перерезанного горла, моментально пропитывая всю одежду. Меня затрясло от страха. А мужчина, оттерев нож об грязную штанину, как ни в чем не бывало поднялся на верх. Гайс подполз ко мне, поправляя одежду.

-Ничего. - шептал он мне глядя по волосам. - Ничего.

Я сжал руку парня ища поддержки и сам желая утешить его. Он прилег со мной рядом, прижимая меня к себе. Нас синхронно била дрожь и, как ни странно, это успокаивало. Значит, я не один.

Проснувшись утром, я пошевелился, стараясь размять затекшую руку и увидел, что Гайс не спит, а заплетает свои светлые волосы в причудливую косу.

- Проснулся? - ласково улыбнулся он мне.

- Гайс, где мы?

- Как где. У пиратов. Кем еще может быть это отродье?

- Но как? Я не помню ничего. Совсем ничего. Даже своего имени не помню.

- Они принесли тебя неделю назад. Говорили, что нашли на скальной отмели. Им понравилась твоя светлая кожа. Даже у меня она не такая белая. Поэтому они даже расщедрились и кололи тебе антибиотики и оставили со мной, чтобы я ухаживал за тобой пока ты не придешь в себя.

- И что же будет дальше?

- Если тебя не убили и не заставляют работать, кормят и дают воду, значит, уже нашли покупателя. Поэтому тебе нужно поправляться как можно быстрее это шанс. Если тебя купят, это будет шанс выжить.

- Я не хочу, я не раб!

- Если тебя никто не купит, то тебя затрахают до смерти тут, либо продадут в какой-нибудь бордель. Не известно, что хуже.

Я шокировано молчал. У меня не укладывалось в голове. Разве это нормально? Я не помню. Но все мое сознание противилось этому.

- Давай я промою твои волосы? - предложил мне Гайс. - Они похожи на грязную морскую губку, а сам ты на сладкую маракую.

Он, тщательно разбирая пряди, обмывал их.

- Ты очень необычный. Такой белой кожи я не видел никогда. Тебе нужно бывать на солнце, чтобы быстрее встать на ноги.

На следующий день рано утром нам разрешили подняться на верх. Окинув взглядом бескрайнюю синь моря, я задрожал и страх волной накрыл меня, и я вцепился в руку Гайса.

-Ничего. - обнимал он меня успокаивая. - Ты чуть не утонул, поэтому боишься. - потом, глядя на меня, усмехнулся. - Хотя все правильно. Ты - огонь. - и погладил меня по волосам. - Вода - не твоя стихия.

Минут через пятнадцать нас окрикнули, велев спуститься вниз.

- Почему нам нельзя быть наверху? - спросил я у Гайса.

- Ты видел, что произошло со мной и тем матросом? Ты можешь разжечь желание в других, а хозяину не выгодно терять нас и не выгодно вырезать ослушавшихся, поэтому нас и не показывают команде.

Вечером нам вместе с обычной едой, которая состояла из чистой воды и куска сухой и тонкой как лист лепешки принесли еще и фрукты. Гайс задумчиво подкидывал золотистый шар апельсина:

- Фрукты, значит, совсем скоро приедут покупатели.

- Откуда ты все это знаешь?

-Меня продают не в первый раз. Правда, так еще ни разу.

Я во все глаза уставился на парня:

-Расскажи?

- Первый раз меня продала моя мать. Она была белой женщиной и работала в порту шлюхой, обслуживала моряков. Как только я родился, она увидела мои светлые волосы и голубые глаза решила заработать на этом. В пять лет она продала меня торговцу, и он отдал меня в школу наложников. Там было хорошо. Нас кормили, не били, если слушались, и учили танцевать, петь, учили альковным тонкостям. В 8 лет меня продали во второй раз. У первого хозяина я

был не долго. Это был старый мерзкий старик он уже ничего не мог как мужчина, поэтому мог только смотреть как я и другие занимались этим. А еще он любил щипать меня и поэтому я был сильно испорчен, когда он в качестве долга отдал меня следующему хозяину. Я понравился старшему сыну хозяина. И поэтому меня отдали ему. Там тоже было не плохо, но я ему вскоре наскучил, и он отправил меня на кухню помогать повару. Вот там мне нравилось больше всего. Я был почти настоящим человеком. Работал! Совсем забыл, что я наложник. Руки стали грубыми, волосы не блестели, а кожа... - Гайс махнул рукой. - К тому же я повзрослел и вытянулся. Потерял весь товарный вид. Одни кости были и жилы. Но как я был счастлив. - улыбался парень, но секунду спустя, нахмурившись, повесил голову. - А потом я случайно попался на глаза одному из гостей. И он купил меня. Разглядел. Он вложил в меня немало денег, нанял учителей, хореографа. Принялся за меня, так, что я света белого не видел. Продержал меня два года. И вот совсем недавно решил продать. Но видишь, как вышло.

- Как ты попал к пиратам?

- Меня везли на аукцион, который должен был состояться на яхте в открытом море. Это же не законно. Вот по дороге они на нас и напали.

-Тебя будут искать?

- Кто? Последнего хозяина они убили. А обо мне мало кто еще знал. Но мне интересно кто ты, львенок?

-Львенок?

-Похож. - улыбнулся Гайс. - Если ты не помнишь своего имени, можно я буду звать тебя Джарван, что и значит львенок?

-Зови - согласился я. - Джарван... Джарван... - пробовал я на вкус новое имя.

===== 5 =====

Мы стояли на палубе под палящим солнцем. Мои обнаженные плечи уже припекало. И я накрыл их ладонями, за что сразу же получил по рукам плеткой.

- Накройте его. - Задумчиво приказал мужчина, рассматривающий нас. Он обошел нас кругом, разглядывая как товар. Гайс послушно разрешал трогать себя и выполнял команды. Меня же дергало от этих прикосновений. И я получал по удару за каждый не выполненный приказ. Но я, прикусив губу, с упорством игнорировал его приказы.

- Чему ты обучен, Гайс? - спросил мужчина.

- Всему, что Вам нужно господин. - невозмутимо отвечал парень.

- А ты? - его стек приподнял мой подбородок.

Я, дернув головой, отвернулся в сторону. Стек снова занесся для удара, но Гайс подставил свою руку.

- Простите его, господин. Джарван совсем не понимает, куда попал. Посмотрите на его чудесную кожу. Ваш стек так же беспощаден, как солнце, которое губит такую красоту.

Мужчина обошел нас еще раз.

- Львенок, значит? - и, обращаясь уже к хозяину корабля, сказал. - От него одни неприятности. Непокорный, ты посмотри на его руки? Его что крабы ели? Где ты взял эту падаль? Я возьму этого. - указал он на Гайса. - За твою цену. Не торгуйся. А этого. - указал он на меня. - Ты подаришь мне в подарок за мою щедрость.

Пират возмущенно замахал руками, стягивая с меня легкую ткань, он оттянул меня за волосы назад, указывая на меня, зарычал:

- Совсем меня за дурака держишь, Джамиль-джан? Ты посмотри на эту кожу! Где ты видел такую сахарную кожу, что тает под нашим солнцем? Да его только в сокровищнице держать уже за это стоит. А его волосы? Огонь! Грива льва! А глаза? Как ненастное море! Но это не главное! Ты и сам понял, что юноша невинен! Две цены!

- Ты разоришь меня! Твой львенок так побит и поношен, что у меня годы уйдут, чтобы восстановить его хваленую кожу! А характер? А обучение? Никто не считает наших трудов, лишь бы содрать деньги! Я прибавлю немного. Но две цены? Это смешно!

- Две цены! Из-за него сейчас моя команда готова перегрызть друг другу глотки. А что будет, когда он расцветет у тебя? Тебя осыпят деньгами.

- Да что понимает твоя шайка голодных псов? Они за дыру в стене перегрызут друг другу глотки.

-Что понимает? Мы за всю свою жизнь столько мальчиков тебе привезли, что уж точно понимаем, когда находим сокровище. А тут не одно, а два. Так что за каждого две цены!

Гайс подошел ко мне и протянул сдернутую ткань.

-Закутайся.

-Нет. - в раздражении я скрестил руки на груди.

-Не упрямясь, тебе будет хуже, если твоя кожа обгорит, а купят нас все равно. Это вопрос времени.

И он ласково накрыл мои плечи.

Гайс оказался прав нас купили. Быстро заковав руки и ноги, пересадили в моторную лодку. Гайс не сопротивлялся. Я же упирался и выворачивался пока охране не надоело, тогда один из них накрыл мой нос платком, и я, вздохнув сладковатый запах, мешком осел у него в руках.

Голова нещадно болела. Я открыл глаза и резко сел, с удивлением рассматривая обычную больничную палату. Мои руки были перебинтованы, я лежал на белых и чистых до хруста простынях, а на краешке кровати сидел Гайс. Он, перекинув свои длинные волосы через плечо, задумчиво плел затейливую косу.

- Гайс. - окликнул я парня. - Где мы?

- У нового хозяина, Львенок.

Я попытался встать. Он, удерживая меня, опять уложил на место.

- Львенок, ты куда собрался?
- Не знаю. Но здесь я не останусь!
- Успокойся, Львенок, дальше этой комнаты не сбежать. Да и куда тебе бежать?
- Это не правильно, Гайс, я не хочу!
- А чего же ты хочешь?
- Жить!
- Чтобы жить, нужно сначала залечить твои раны. Послушай меня, сейчас не время. Все равно с тобой сделают то, что нужно, но если ты будешь упрямиться... они умеют обходиться с такими... Я многое видел, Львенок, чтобы жить нужно быть не только сильным и гордым, нужно быть еще и умным. Ты веришь мне?
- Гайс! - я стиснул его руку. - Это бред! Нужно обратиться в полицию! Людьми нельзя торговать!
- Львенок... У главы полиции есть свой гарем. И он вполне может быть твоим следующим хозяином. - Гайс перекинул косу на спину и встал. - Я не знаю, где ты жил до этого, но тут жизнь устроена так. Послушай меня, хаби би, прошу тебя!
- Лучше пусть меня убьют! - в сердцах воскликнул я.
- Наивный. - Гайс ласково улыбнулся. - Убьют! Скажешь тоже. Это не выгодно. Но наказать могут. Они это умеют в совершенстве.
- Ну и пусть! - не сдавался я. - Пусть изуродуют меня, может тогда я стану не нужен.
- Не будут они тебя уродовать. - устало вздохнул Гайс. - Посмотри на меня, ты видишь хоть один изъян? - встав, он скинул с себя легкие шаровары, представ передо мной в своей прекрасной нагоде. Я невольно залюбовался его совершенной красотой. - И, тем не менее, я знаю про тонкости этого «обучения».
- Что с тобой делали? - страх, любопытство, горечь и сочувствие всколыхнуло во мне признание Гайса.
- Очень не много. Например, привязывали к кровати, распиная на ней так, что даже пальцем пошевелить нельзя, но под спину подкладывали маленький шарик. И через несколько часов все твоё тело начинает невыносимо болеть, а этот шарик был эпицентром боли. Ты можешь только кричать. Или усаживали на головку члена маленького жучка накрыв его скорлупой от ореха и маленький паразит перебирая своими лапками щекочет тебя. Через час твоё тело становится чутким, как оголенный нерв, и тебе больно даже от легкого порыва ветра и все остальное тебе кажется сущей ерундой. Через два часа ты понимаешь, что такое ад. А потом начинаешь сходить с ума от постоянной боли. Потом после такой «учебы», ты долго будешь вздрагивать даже от малейшего прикосновения.
- Я закрыл глаза, в душе жгло от бушевавшей там ненависти, а под глазами пекло от невыплаканных слез.
- Джарван, тебе нужно вспомнить кто ты. И это случится только тогда, когда ты станешь здоровым и сильным.

- Да. - на большее меня просто не хватило.

Меня не оставляли в покое. Почти ежечасно смазывали мою кожу и полученные раны. Втирали в кожу невероятное количество мази и настоев, меняли системы, ставили уколы. Наконец, когда раны покрылись тонкой кожицей, мне разрешили покинуть палату. Рано утром, когда диск солнца только показывался над горизонтом, и поздно вечером, когда он утонул в бескрайнем море, мне разрешали выходить на свежий воздух. И я с тоской провожал кроваво - красный диск солнца взглядом. Как мне хотелось сбежать отсюда. Но это было невозможным. Всюду находилась охрана, и за нами следили равнодушные зрачки камер. Дни тянулись как патока, и я, не выдержав однообразия, попросил принести мне книги. Открыл для себя то, что читаю я с трудом и не понимаю многого. Гайс разъяснял и поправлял меня все больше убеждаясь в том, что я вырос и жил не здесь. Мы перебирали страны и города в надежде, что знакомое название всколыхнет мою память. Но все оказалось напрасным. Но наше пребывание тут длилось не долго, вскоре нас опять перевезли. И я решил, что перевезли нас в глубь страны, потому что я перестал слышать шум моря и, как ни старался, не увидел больше его опасной, но такой притягательной синевы.

Новое место было гораздо шикарнее предыдущего. Окна нашей комнаты, забранные ажурной решеткой, выходили во внутренний дворик. А там, маня своей прозрачной водой, журчали фонтаны и был небольшой бассейн. Я, сидя у окна, наблюдал сквозь отверстия в ажурной решетке, как во дворе купаются другие юноши. Там были совсем юные, почти дети, были наши ровесники и юноши постарше. Но все они были чем - то незримо похожи друг на друга. Не смотря на разные расы, разный цвет волос и разное телосложение. Гайс присел рядом.

- Это другие наложники?

- Да, ты же видишь, как они прекрасны. Нас купил очень богатый человек. И у него тут целая сокровищница. Мало кто может позволить себе содержать сразу столько наложников.

- Они выглядят счастливыми.

-Почему нет, Львенок? Их холят и лелеют, а потом, если повезет, они станут украшением какого-нибудь гарема.

-А если не повезет?

-Зачем проживать свои несчастья заранее? Если они уготованы тебе, то придут в свой срок. Горе в пути не задерживается.

-А ты никогда не мечтал о другой жизни?

-Мечтаю. Я каждый вечер придумываю себе жизнь.

-Какую?

-Сейчас моя любимая мечта о том, что я встречу любимого человека, открою собственный ресторан и буду жить так как хочу. А чего хочешь ты, Львенок?

-Я не знаю... Сейчас я знаю чего я не хочу...

Наш диалог прервал звук открывающейся двери. На пороге стоял высокий темнокожий атлет.

Его руки и ноги были скованы. Втаскивали его в комнату трое охранников, а парень бился и выгибался в их руках, но разряд электрошока быстро свалил его на пол. Приковав его к стене, они отошли к двери. И в комнату вошел Джамиль. Вытащив стул на середину комнаты он, оседлав его, раскурил сигару.

- У меня тут возникла идея. - оглядел он нас прищурившись. - Музыку! Гайс, танцуй.

В комнате зазвучали нежные переливы восточной музыки, и Гайс, легкой тенью скользнув в центр комнаты замер, прислушиваясь. Через секунду его руки взмыли вверх и замерли, а бедра начали медленно и завораживающе покачиваться, повинаясь музыке он ускорял движения, пока его бедра не задрожали в мелкой тряске. Я смотрел на него во все глаза, и мое сердце суматошно билось в одном ритме с его тряской. Бешеный бой барабанов сменился тягучим переливом, и его руки, словно живые змеи, извиваясь, плели узоры, вводя меня в гипнотический транс. Прекрасное тело, будто лишённое костей, соблазнительно изгибалось. Казалось, он совсем не касается ковра с такой легкостью и грацией скользил он по комнате, то стелясь по полу, то изгибаясь виноградной лозой. Он был одновременно стыдливо застенчивым и искушенным, и это невероятное сочетание опьяняло мой разум.

Джамиль, неразлучный со своим стеком, подошел к стене, где был прикован чернокожий парень. Тот тоже не мог глаз оторвать от Гайса. Джамиль опустил стек к паху парня и погладил, тот дернулся, стремясь свести ноги, укрыться от этой бесстыжей ласки, но цепи не позволили ему это сделать. И он, стыдясь своего неприкрытого желания, старался оторвать взгляд от Гайса. Но музыка, набирая обороты, становилась ритмичнее, и к бою барабанов присоединился бубен, и движения Гайса стали отточеннее, наполнились страстью, подчиняясь новому ритму, и взгляд парня снова возвращался к нему. Моя кровь пульсировала в одном ритме с барабанами, в паху стало тесно от этой картины. Извивающийся Гайс и парень возбужденный танцем и лаской Джамиля. Он уже, постанывая, сам поддавался навстречу его стеку. Я спрятал пылающее лицо в ладонях. Мне было нестерпимо стыдно. Но услышав глухой глубокий рык парня я понял, что Джамиль добился своего не только от парня, но и от меня. Музыка замолчала и Гайс отпустился рядом. А я боялся поднять на него взгляд.

- Каждый из вас стоит не мало. - голос Джамиля был довольным. - Гайс - нежный, прекрасный и гибкий, искушенный в любви, разжигает страсть подобную сладкой патоке. Ты. - стек Джамиля указал на меня. - хрупкий на вид, но есть в тебе что-то опасное и дерзкое, я научу тебя быть острым и притягательным, как лучший клинок, так что бы любая рука тянулась к тебе в желании обладать. И ты. - стек вернулся вновь на пах чернокожего парня. - Наполненный жгучей страстью, словно дорогие специи, будешь горячить кровь, заставляя на всю жизнь запомнить привкус своей любви. Вы трое вместе увеличите свою стоимость трижды.

Джамиль встал, не дождавшись от нас никакого ответа, и покинул комнату. В дверях он обернулся:

-Хватит отдыхать, завтра начнем работать.

После его ухода в комнате повисла гробовая тишина. Гайс подошел к прикованному у стены парню. Он склонился над ним пытаясь вытереть следы недавней страсти с его тела.

- Как тебя зовут?

- Убери свои руки прочь от меня, гаремная шлюха!

Моя кровь вскипела! Я, подлетев к парню, схватил его за подбородок и прошипел в лицо:

- Не смей! Не смей оскорблять Гайса, похотливое животное!

Парень бешено дернулся ко мне на встречу, но Гайс подхватив меня оттащил от него.

- Не надо, Львенок. Он - химба. И не причинит мне зла.

- Кто?

- Это африканское племя, живущее в Намибии, дети природы. Они не причиняют зла, поклоняются природе и огню и носят в себе их тайны. Они прекрасны поэтому их часто похищают.

И, вернувшись к парню, он, опустившись перед ним на колени, продолжил обтирать его тело. Парень же, растратив весь свой боевой пыл, откинувшись на стену спиной, застыл подобно изваянию, храня на своем лице маску безразличия, игнорировал нас. Он отказывался от еды и воды, не слушая уговоров Гайса, каждый раз отчаянно сопротивляясь охране, когда те кормили и поили его насильно. И только перед лаской стека Джамиля и кружащимся перед ним в танце Гайсом он был незащищен. Я же перестал сопротивляться, слушая Гайса, решая выждать время. Поэтому все больше времени я стал проводить в хореографическом зале. Под вечер мое тело ныло от непривычной нагрузки и Гайс тщательно, растирая его ароматными маслами, приговаривал:

- Слушай музыку, Львенок, пусти свое сердце в одном ритме с ее ритмом, позволь ей обвить свой внутренний стержень своими побегами. И тогда вы станете единым целым, и твое тело перестанет болеть, а душа расцветет благодарным цветком.

Я слушал его, искренне стараясь понять то, о чем он говорит, и моя техника становилась лучше, движения точнее, но он по-прежнему растирал мое тело, а мой преподаватель все так же хмурился и называл меня глухим. Джамиль приходил на мои уроки, хмуро смотрел на лишние огни тщательно отработанные движения и уходил. Пока однажды на одном занятии он не прервал меня взмахом руки и отошел к окну, скрестив руки застыл там в задумчивости. А на столике лежал нож, которым он чистил яблоко. Я, замороженный красотой стали, повинуюсь внутреннему зову, взял его в руку. Приятная тяжесть ножа вселяла в меня необыкновенное чувство наполненности и цельности. Я любовался вырезанной из кости ручкой и гладким хищным блеском металла.

- Джарван. - оторвал меня голос от созерцания. - Тебе нравится этот нож?

- Нравится. - кончиками пальцев я ласкал сталь, получая почти физическое удовольствие.

- Львенку нужны его когти. Пошли со мной.

И мы, минуя анфиладу комнат, пришли в оружейный зал. Я замер, пораженный в самое сердце. Все стены были украшены всевозможным оружием, чья сталь блестела и манила прикоснуться, взять в руки и ощутить вес оружия в своей руке. Сталь завораживала меня и каждый клинок был не похож на другой, но каждый по-своему прекрасен.

- Смотри, Львенок, тебе нравится? - внимательно смотрел на меня Джамиль.

- Нравится, разреши мне их посмотреть?!

- Ты можешь выбрать то, что тебе понравится больше всего.

Я с недоверием посмотрел на Джамиля, но думать и рассуждать было некогда. Боясь, что он отменит эту милость, я принялся бродить по залу, всматриваясь и наслаждаясь красотой клинков. Взгляд метался от одного к другому пока не упал на парные трезубцы. Они, обратив вверх свои тонкие узкие клинки, стояли на подставке. На них не было затейливой насечки и украшений из драгоценных камней, но оторвать взгляда от них я уже не мог. Мои когти...

-Вот эти. - с почти благоговейным трепетом я приблизился к трезубцам.

-Интересный выбор, Джарван, это сай - японский трезубец... Сложно будет найти мастера Кобудо, но интересно. Бери.

-Правда? - я с трепетом снял трезубцы с подставки, и они приятной тяжестью легли в руку.

- Бери. Посмотрим, что из этого выйдет.

===== 6 =====

Шамиль вышел на небольшую сцену и застыл на ней, давая возможность рассмотреть свое прекрасное тело. Он, словно статуэтка из гагата, черный и блестящий, рука так и тянется обрисовать контур безупречных мышц. Его глаза надменно взирают на зрителей, губы изогнуты в презрительной усмешке, он похож на языческого бога, случайно попавшего в это место. В руках у него красочные огненные пои.

В зале гаснет свет и Шамиль поджигает пои. Они начинают слегка раскручиваться под неторопливый ритм музыки, гипнотизируя зрителей, то освещая, то погружая во тьму безупречное тело Шамя. Он ускоряется, и пои начинают вращаться, быстрее выписывая огненные круги и спирали, а музыка все набирает обороты, и вот уже в завесе огненного дождя, на какую-то долю секунды, рождаются огненные птицы, прекрасные драконы и тут же умирают в столбе пламени.

Я смотрю, затаив дыхание, сколько бы раз я не видел это, мне каждый раз подобное кажется чудом. Огонь в руках Шамя живой. Он порождает по прихоти своего хозяина причудливые образы.

Но вот по сцене кругом пробежала огненная змея и превратилась в стену огня за спиной Шамя. Он застывает окруженный лижущим его огнем. В зале потрясенная тишина, и он, шагая назад, скрывается за стеной огня.

Музыка мгновенно обрывается и пламя гаснет, погружая зал в тьму. Но ненадолго.

Тишину разрывает страстный бой барабанов, и луч софита падает на меня. Я уже, сменив Шамя, стою в центре сцены и кажусь случайно оброненной искрой его огня. Мои рыжие волосы, рассыпанные по плечам, подчеркивают белизну кожи. Золото, щедро украшающее мою шею и запястья, должно подчеркнуть хрупкость тела. Только белая ткань скрепленная золотыми дисками чудом держится на бедрах. А в моих руках пара кинжалов сай. Я - сам сай. Тонкое гибкое опасное лезвие. И под бой барабанов я танцую, сай, мелькая опасным, завораживающим блеском, словно, охраняют бесстыдно извивающееся тело, вызывая желание получить его пусть даже ценой жизни. А музыка словно раскаляет воздух, задает уже бешенный ритм, и я, подчиняясь ему пульсирую в страстном, горячем ритме, но сай охраняют мою чистоту, мелькая в руках с бешеной скоростью, взлетая под потолок и застывают в моих руках вновь, острием подчеркивая то изгиб бедра, то безупречную хрупкую линию шеи. И вот они, чиркнув по бокам и разрезав тонкую материю, скрывающую мою наготу, подкидывают ее в верх, и зал вновь погружен во тьму.

И только нежнейшая белоснежная ткань грациозно опускается на сцену. Сердца зрителей еще живут в горячем ритме моего танца, а по залу уже льется нежнейший перелив флейты, сплетаясь в изящные узоры, оплетая страсть горящую в телах присутствующих, делая эту страсть тягучей. И ткань, опустившаяся на сцену вдруг снова подлетает в воздух, подкинута умелой рукой Гайса. И он, окутанный белоснежным шелком своих волос, скользит по сцене мягкими дразнящими движениями. Он сам, словно тончайший шелк, скользит по воздуху, и кажется, будто сама природа вложила в него всю сладость любви и негу. И хочется прервать его томный танец и вкусить этот божественный вкус. Но под утихающие звуки музыки движения Гайса тоже замирают, и зал погружается в тьму, финальной точкой поставленной в нашем общем танце, в котором один рождается из другого, в котором есть все оттенки любви и страсти.

Тишина.

Тишина, наполненная судорожными вздохами.

Тишина, наполненная кипящей страстью так плотно, что кажется воздух пронизывает разряды невидимых молний.

Уже полгода Джамиль собирает в своем небольшом уединенном дворце самых обеспеченных людей и показывает свое сокровище. Но ни один из них не решился пока купить тройную усладу. Баснословная цена так высока, что услада остается во дворце. Но Шамиль доволен. Весть о его чуде привлекает все больше и больше людей. Попасть к нему сложно, но желающих много, и другой товар уходит просто с поразительной быстротой. Он едва успевает найти и обучить новых наложников. И только со своей тройкой он не спешит расстаться.

Вот и сейчас он сидит, окруженный богатейшими людьми страны. Чего только не вкусили эти люди. Казалось, самый цимус жизни лежит у их ног с рождения, и ничто не может удивить их. Но они до сих пор с жадностью взирают на сцену в надежде увидеть прекрасного Шамиля, опасного Джарвана и сладкого Гайса. Но Джамиль их сегодня больше не покажет. Пока кто-нибудь не даст ту цену, которую он назвал.

Джамиль обводит взглядом присутствующих. И его внимание привлекает молодой Амир. Его глаза лихорадочно блестят, а руки дрожат, сам он пытается удержать лицо... Но то ли молодость тому виной, то ли неискушенность в любви, но не справляется он с собой и его горячий шепот вырывается из груди:

- Джамиль, сколько стоит твой Джарван?

- Амир-бей, цена за тройную усладу Вам известна.

- Я хочу только Джарвана.

- Сожалею, мой господин, но это не возможно. Они единое целое. Заберите у меня Джарвана и исчезнет магия. Заберите Шамиля и исчезнет жизнь. Заберите Гайса и исчезнет любовь. Только вместе они услада.

- Сколько ты хочешь за ночь с Джарваном? - не выдерживая, вскакивает Амир.

- Нет, мой господин. Джарван невинен, как только что выловленная жемчужина.

- Кто может быть невинным в твоём дворце искушений Джамиль?

- Только Джарван. Потому что только тому, кому по силам купить мою усладу, будет по силам приручить этот клинок и заставить его не только резать, но и трепетать.

- Но твоя цена безумна, Джамиль.

- Безумна, как и кипящая в вас страсть разогретая моей усладой.

И Амир замолкает.

Я впиваюсь в сладкие губы Гайса жадным поцелуем. После танца я всегда предельно возбужден, и он, откликаюсь, льнет ко мне. Я, задыхаясь, выцеловываю его кожу. Вплетаю пальцы в гладкий шелк его волос, тяну их, заставляя его стонать от страсти и от боли. Отпуская его, я разворачиваюсь к Шамилю и накидываюсь на его губы, кусая их. В моей душе кипит и бушует пламя, и нет ему названия. В нем горит и не сгорает моя страсть, моя ревность, мой стыд.

Сильные руки Шамиля прижимают меня к себе, успокаивая, но крупная дрожь его тела дает понять, что он держится из последних сил. Гайс прижимается к моей спине и запуская руку между нашими телами начинает ласкать мой пах, и я чувствую двойное желание обнимающих меня, кричу, рассыпаясь в ярких искрах оргазма. Шамиль не выпускает меня из рук пока я обмякнув купаюсь в неге. Когда я прихожу в себя, выскользываю из стального кольца его рук, и он обнимает Гайса. Но Гайс, не церемонясь, опрокидывает его на ковер и стаскивает с него остатки одежды, усаживаясь в позе наездника вводит в себя его член. И начинает бешено скользить по его стволу. Закусывая в наслаждении губы под страстный рык Шамиля. Кто кого тут имеет это большой вопрос, я же, вытянувшись рядом, наслаждаюсь зрелищем. Это прекрасно. Белоснежный хрупкий Гайс и чернокожий Шамиль, мускулы которого перекачиваясь под роскошной кожей, вызывают во мне желание вновь прикоснуться к ним. Гайс гибким луком, выгибаясь и заламывая руки, кончает и падает на широкую грудь Шамиля. Тот нежно целует его, убирая волосы с прекрасного лица. Но его желание еще не удовлетворено, и он, укладывая Гайса рядом шепчет мне:

-Помоги мне, Львенок.

И я склоняюсь над его телом, сцеловывая капельки пота, вдыхая его аромат смешанный с дымом, спускаюсь поцелуями ниже к паху и, обхватив губами напряженный член, чувствую смешанный вкус Гайса и Шамиля. И нет для меня ничего вкуснее и притягательнее. Я, вкусив его, будто схожу с ума, ласкаю с нарастающим желанием плоть Шамиля. Тот, выгибаясь подо мной, выписывает восьмерки тазом, желая усилить проникновение. Впивается мне в затылок сильными пальцами и разряжается глубоко в горло. А я, пылая, хочу ласки трусь об него плавящимся от страсти телом, и губы Гайса, смыкаясь на моем члене, дарят мне безграничное блаженство.

Дверь открывается, и в комнату входит Джамиль.

- Если бы вас могли видеть мои гости сейчас, то запрашиваемая цена показалась бы им смехотворно низкой. - усмехается он. - Львенок, сегодня твои сай пронзили еще одно сердце. Я усилю охрану, потому что от молодого Амира, можно ждать какой угодно глупости.

Два года ожидания Джамиля оправдались. Оправдались и все те деньги, которые он вложил в этих троих, и все время, и нервы, которые он потратил, чтобы хоть как-то усмирить непримиримого Шамиля, приручить дерзкого Джарвана и довести до совершенства красоту нежнейшего Гайса. Сердце Джамиля сжалось. Он полюбил их, как лучшее свое творение. Таких как они больше не будет. Он слишком давно занимается подбором и воспитанием наложников, что бы не понимать этого. Но сегодня его усладу купили.

- Поднимайтесь.

Мы с любопытством переглянулись и, еще не остывшие от любви, потянулись за Джамилем.

Впервые он завел нас в свой кабинет. Там, перебирая четки, сидел высокий плотный евнух. Окинув нас внимательным взглядом он задержал на мне свой взгляд.

- Джамиль, от услады пахнет любовью, надеюсь твои слова о жемчужном Джарване правда?

- Истинная правда. Он только самым краем коснулся любви.

- Собирайтесь, моя услада. Вы покидаете меня. - обернулся к нам Джамиль.

Нас качнуло друг к другу. Обменявшись взглядами, мы промолчали. Зачем слова, если души каждого из нас друг для друга, как открытая книга? Я моментально почувствовал, как страх окутал нежную душу Гайса, как напряглись стальные мышцы Шамиля в желании защитить нас от неизвестного будущего, меня же затопила тоска.

Евнух, встав, попрощался с Джамилем. После его ухода Джамиль тяжело опустился на низенький диван. Мы все так же стояли посреди комнаты.

- Это рано или поздно случилось бы. - он просительно посмотрел на нас. - Я столько раз отклонял данную цену... Это не в моих правилах, но я ждал того, кто по-настоящему оценил бы вашу уникальность и не разрушил гармонию. Сегодня этот человек купил вас. Вы получите все самое лучшее, что только может быть в этом мире...

- Джамиль. - Гайс шагнул к нему.

- Не бойся, мой Нежный. - остановил его жестом Джамиль. - Никогда больше твоя кожа не расцветет цветами жестокости и ненависти.

Мы знали, что Джамиль давно отдал свое сердце Гайсу. Но Гайс любивший нас, так и остался глух к его словам. И любовь Джамиля переросла в печальную нежность. Он ни разу не коснулся Гайса. Только смотрел на него и мог это делать часами.

- Я хочу что-то оставить на память. - он встал и приблизился к столу.

- Шамиль. - и он протянул ему новые цепи для пои. - В цепях я принял тебя. Держи, теперь у тебя будут другие цепи.

- Джарван. - он протянул мне пару острых черных сай. По черному фону шла тонкая золотая вязь а самый кончик был белым. - Львенок, вот тебе новые когти, сделанные только для тебя.

- Нежнейший мой. - дрогнул голос Джамиля, он сам шагнул к Гайсу и обвил его талию тонким ремнем, свитым из тонких платиновых колец, нежным переливом, отдающимся на каждый шаг.

- А теперь собирайтесь.

===== 7 =====

Дворец нового хозяина поражал даже наше, издавшее виды, воображение. Но задержаться нам там не пришлось. Оставив свои вещи и дав едва принять ванну, нас тут же посадили в роскошное чрево самолета и внук сказал нам:

- Господин в нетерпении он хочет насладиться своей услугой, но дела не отпускают его.

И, устроив нас троих с максимальным комфортом он, неторопливо перебирая четки, погрузился в размышления.

Нас разместили в шикарном отеле, но, привыкнув все время находится в компании Гайса и Шамиля, я чувствовал растерянность, оказавшись в одиночестве. Побродив по номеру, я выглянул в холл. Нигде не было видно охраны. Я, привыкнув за два года к их неизменному присутствию, чувствовал себя странно.

Я обошел холл тишина. Никого. Где же Гайс и Шамиль? Я заволновался. Надо срочно найти их. И я заметался, дергая двери, но шикарные комнаты были пусты. Дернув очередную дверь, я в досаде долбанул по ней. Закрыто! В каком-то затемненном сознании я вернулся в номер и, подхватив свой сай, я вернулся к этой двери. Вставив кончик, клинка в еле заметную щель, я стал протискивать оружие, пытаюсь расширить зазор, дверь неохотно поддавалась, и как только я увидел запирающее устройство, я вогнал туда второй клинок. Замок щелкнул, открыл мне выход на лестницу, и я помчался вниз. Свернув наугад в следующий пролет, попал в шикарный холл. Выйдя к лифтам, спустился вниз. Сжимая свой сай в руках, я замер посреди шикарного холла отеля. Вокруг были люди. Кто-то с любопытством взирал на меня, кто-то скользил мимо равнодушным взглядом. А я не мог двинуться, оглушенный внезапным чувством свободы. Сделать несколько шагов и выйти сквозь стеклянные двери отеля. И свобода. И ты не принадлежишь никому... Я сделал шаг... второй...

Гайс!

И я останавливаюсь.

Шамиль!

И я резко разворачиваюсь и иду в противоположную от свободы сторону. Я не оставлю их. Как найти их? Я возвращаюсь к стойке рецепшена, положив кинжалы на гладкую поверхность стола, смотрю на пребывавшую в шоке девушку.

- Где Шамиль и Гайс? Нас привезли втроем сюда днем. Меня разместили в пентхаусе одного. Где Гайс и Шамиль?

- Минуточку, пробормотала девушка. - и принялась лихорадочно набирать номер.

- Джарван!

Оглянувшись, я увидел высокого стройного юношу. Он широко шагнул ко мне схватил за руку.

- Это ты! Я не ошибся!

Но, рассекая толпу, ко мне спешила охрана, оттерев от меня этого юношу, который сопротивляясь стремился приблизиться ко мне.

-Джарван! Я найду тебя!

Я безразлично пожал плечами еще один восхищенный птенец из богатого рода. Такие периодически возникали в нашей жизни. Увидев наш танец и вспыхнув, они не могли себе позволить купить нашу тройку и стремились либо похитить кого-нибудь из нас, либо тайно встретится.

- Где Гайс и Шамиль?- обратился я к охране - Отведите меня к ним!

А навстречу нам, заламывая толстые руки, уже бежал евнух.

- Джарван-джан, о, Всевышний, мне нужно выколоть глаза за то, что упустил жемчужину из покоев моего господина. Нет мне прощения! - суетился он вокруг меня, накинув на голову длинную плотную ткань, которая окутала меня с головы до ног, пряча от любопытных взглядов толпы.

- Где Гайс и Шамиль?! - мой голос звенел от бешенства.

-Львенок не рычи. - плотнее кутая меня в накидку и заводя в лифт, кудахтал евнух. - Я отведу тебя к ним. Там тоже нет покоя! Шамиль грозит сжечь отель, если к нему не приведут тебя и Нежного Гайса, а Гайс грозит испортить свое прекрасное лицо, если не увидит вас. Беда! Старый лис Джамиль! Что бы черви съели твою печень! Не сказал мне, что вы должны быть вместе, вот мы и поселили вас в разные комнаты. Я, старый дурак, хотел угодить прекрасным из прекраснейших, отведя им самые шикарные номера.

Я успокоился. Значит с Шамилем и Гайсом полный порядок, а плотная накидка прятала от евнуха мою счастливую улыбку. Сердце защемило от сладкой нежности, мысль о том, что ни один из нас не хотел быть друг без друга грела меня.

Войдя в номер, я увидел Шамиля, нежно обнимающего Гайса и кинулся к ним. И они, разомкнув свои объятия, приняли меня. Я, спрятав пылающее лицо в белоснежном шелке волос Гайса, вцепившись в пальцы Шамиля, рассказывал им про свое небольшое приключение.

- Львенок, ты был в шаге от свободы и не сбежал? - Шамиль тронутый моим признанием, прижал меня крепче к себе. - Не сбежал из-за нас?

Он, каждую секунду мечтающий о свободе, во все глаза смотрел на меня. Потом, нежно коснувшись пальцами моего лица, произнес:

- Я тоже готов умереть за тебя. - для него это было равнозначным.

А я, притянув к себе нашу Нежность, с трепетом всматривался в его совершенные черты. Гайс, зардевшись отпустил глаза. Если бы он испортил себе лицо, то потерял бы все. Никому не нужен обезображенный наложник, а большего Гайс не умел. О жизни вне гарема он не имел никакого представления. Я нежно обрисовал изящный разлет бровей, тонкую линию носа, совершенный рисунок губ. Ничего более прекрасного я не видел. Он, вскинув пушистые ресницы, ответил на мой взгляд, и я утонул в переменчивой синеве его глаз.

Прикоснувшись к его губам, нежно проведя языком по белоснежному жемчугу зубок, углубил поцелуй. Он, вздрогнув, притянул меня к себе. Сильные пальцы Шамиля пробежались по моему позвоночнику в легкой ласке, заставляя меня выгнуться. Поцелуи Гайса горячим ручейком нетерпения стекли по шее к груди, а руки Шамиля уже освободили мое тело от одежды, и он, прижимая меня спиной к своей груди, покусывал шею, лаская подушечками

пальцев горошинки моих сосков. Я стонал и просил. Двойная ласка заставляла мое тело конвульсивно вздрагивать.

-Приподними чуть-чуть Львенка, Шамиль, - опустившись на колени, попросил Гайс.

И Шамиль, разводя мои ноги в стороны приподнял меня, раскрывая его член скользнул по моей промежности, вырвав у меня сладкий стон. Гайс, застонав принялся вылизывать и выцеловывать два до крайности возбужденных члена. Шамиль урча от удовольствия, сжимая мои бедра, все крепче впивался в мою шею жгучими поцелуями. А я тонул в жарком мареве страсти.

-Только не наследди на Львенке. - скорее по привычке, приказал ему Гайс.

Во время наших любовных игр они тщательно оберегали мою кожу от следов любви и не трогали мою девственность. И я каждый раз оставался чуть-чуть голодным готовый в любую свободную минуту накинуться на них с ласками.

Умелые губы и пальцы Гайса возносили нас на вершину блаженства и я почувствовал, как волна дрожи прошла по телу Шамяля, и он излился в рот нежнейшего, следом за ним я содрогнулся в оргазменной спазме, орошая руки Гайса. Он, отстранившись от нас с довольной улыбкой, оглядывал результаты своего труда.

Но оставлять его без должного внимания мы не собирались. И Шамиль, подхватив его на руки, усадил его сверху, а я скользнув к паху, подчиняясь ритму который задавали его пальцы, ласкал его плоть. Пальцы Шамяля растягивали Нежнейшего, мой язык дарил ему сладчайшую ласку, и он выгибался в наших руках, истекая соками любви, пока дрожь оргазма не пронзила его тело.

- Они действительно стоят больше, чем за них просил этот проходимец Джамиль.

Я, подпрыгнув от незнакомого голоса, натянул на себя покрывало, в котором меня привели сюда. На низком диванчике у двери сидел незнакомый мужчина, а рядом с ним в почтительной позе застыл евнух. Гайс испугано прижался к Шамялю, а я взглядом, отыскав сай, скользнул к ним и поднял с пола.

- Прекрасное представление, куда лучше их знаменитого танца перерождения. - продолжал мужчина, не обращая внимания на наши манипуляции.

-Да, мой господин, - еще почтительнее склонился перед ним евнух.

Мужчина встал с дивана и направился к нам. Подойдя к Гайсу он приподнял его лицо и, взглянув на него, одобрително хмыкнул.

- Совершенство.

Тут же очертил кончиками пальцев кубики пресса на животе Шамяля. Я всем своим нутром почувствовал как Шамиль напрягся, плотнее прижимая к себе Гайса, с вызовом глядя на мужчину. Тот ответил ему прямым взглядом, и, к моему удивлению, Шамиль потупил взгляд.

Мужчина шагнул ко мне, и по моему позвоночнику змеей скользнули мурашки, как только я почувствовал запах дорого парфюма с едва уловимыми нотками табака и кофе. Я взглянул ему в лицо оно было невозмутимо спокойным. Благородные черты лица, тонкие длинные пальцы, выдавали в нем наследника высокого рода. Я интуитивно поднял сай направив острие в его

сторону, и он сделал шаг навстречу, я отшагнул назад, боясь его ранить, но не желая подпускать ближе. Тогда он провел по острию подушечкой указательного пальца оставляя кровавую полоску на моем оружии.

- Когти львенка.- произнес он и коснулся моих губ разрезанным пальцем, оставляя на них каплю крови.

Я непроизвольно слизал ее и вспыхнул. Мне показалось это настолько интимным, что я опустив глаза запылал маковым цветом.

- Чудный румянец... Словно капля крови на молоке. - он погладил меня по щеке.

И я, взглянув ему в глаза, замер. Я настолько привык к глазам всех оттенков кофе, что его серые ввергли меня в ступор.

-Я хочу сегодня ночью, Львенок, увидеть на что способны твои коготки.

===== 8 =====

Гайс расчесывал мои волосы. Шамиль беспокойно метался по комнате.

- Гайс, что делать? Львенок... - он кинулся ко мне, сжимая мои холодные пальцы. - Гайс! - снова взвыл Шамиль. - Скажи что-нибудь!

- Успокойся, Шамиль, что бы мы не говорили Львенку, он поступит по своему. - Гайс обнял меня. - Постарайся себя беречь для нас, Львенок. Потерпи. Если будет совсем неприятно думай о том, что это все закончится, ты вернешься сюда и мы будем ждать тебя.

- Я не отдам тебя! - Шамиль прижал меня к себе.

Но я, отстранившись, посмотрел на него:

- Я сам пойду. Мне надоело быть не полностью с вами. Пусть заберет эту чертову невинность.

И я, выскользнув из его объятий, вышел за дверь там меня уже ожидал евнух.

Мы зашли в покои хозяина, и евнух оставил меня наедине с ним. Я в растерянности остановился посреди комнаты. Теоретически я знал, что нужно делать, но тут сам хозяин нарушал установленные негласные правила. В комнате не звучала музыка, не курились благовония, он варил кофе на дистанционной кофеварке и терпкий чудесный аромат, поддразнивая меня, плыл по комнате.

-Присаживайся, Львенок, - протянул он мне чашку с чудесным напитком.

Я растерянно посмотрел на него, выпустив из рук сай, которые с нежным звоном упали на пол.

Мне стало смешно. Меня целый вечер купали в душистой воде, потом втирали в мое тело благовония, убирая даже малейший пушок, потом Гайс трепетно расчесывал мои волосы и подбирал украшения, стараясь оттенить мою красоту. А я пришел пить кофе? Фыркнув, я взял чашечку и уселся на подушки скрестив ноги.

- Откуда ты, Львенок? - присел напротив меня мужчина.

-Я не знаю.

-Как так?

-Меня купили с Гайсом у пиратов, а те подобрали меня где-то. Так они сказали. Я получил травму головы поэтому не помню.

- Пей кофе, сахарный.

Я дернулся. Это обращение, словно, розгой продрало меня вдоль позвоночника.

- А как обращаться к Вам? - дрогнувшим голосом спросил я.

-Хамдан. Пей свой кофе, сахарный. Потом потанцуй для меня.

Я отставил чашку, потому что по комнате поплыла мелодия. Выйдя на середину и подняв свои кинжалы, я прислушался, открывая сердце и душу вкрадчивому мотиву. Он был печальный, и я, подняв руки, направив острие оружия на себя, стал покачиваться в ритмах мелодии. Раздался глубокий грудной женский голос, пронзительно рассказывающей о своей любви и о не возможности быть с любимым. Я, сопереживая душой, телом старался передать всю боль певицы и на последних печальных аккордах, прогнувшись назад приставил острие сай к напряженному животу чуть рая себя. Две капельки крови выступили на поверхности кожи.

Сильные руки, подхватив меня уложили на пушистый ковер, и горячие губы, прильнув к выступившей крови целовывали и слизывали ее. По моему телу горячей волной поползло желание, и я, зарывшись пальцами в густую шевелюру Хамдана, потянул его на верх, желая заглянуть в его глаза. А там кипела и плескалась страсть. Я бы хотел, чтобы это был Гайс с его невесомой нежностью или Шамиль с его неутолимой страстью. Но это будет человек, купивший меня, и горечь жаркой волной плеснула румянец на мои скулы. А мое предательское тело трепещет под его умелыми пальцами. Это оно, извиваясь, тает и плавится под его ласками. Это оно тянется навстречу новому, бесстыдно раскрывается, предлагая себя. Пронзительная боль и моя душа удовлетворенно злобствует, наказывая тело за предательство. Но на смену боли приходит горячее марево удовольствия, и в его пекле сплавляются во едино моя душа и тело. Удовольствие, нарастая похоже на огненный шар: он, раздуваясь опалает меня своим жаром, и я, не выдержав напора, распадаюсь на сотню мелких кусочков чистейшего восторга.

Я стою на крыше отеля под ногами сверкающим морем огней раскинут город. Свежий ветер овеивает мое лицо. После всего мне хочется побыть одному, и Хамдан, оставляя меня покидает номер. Но оставаться в комнате, наполненной ароматами нашей любви, у меня нет сил и я стою тут. Странная тоска сдавила мое сердце. Ощущение дежавю берedit мою душу. Неужели когда-то в прошлом у меня уже было что-то похожее? Как я хочу вспомнить о том кто я...

- Таир! Джарван! - разрывает ночь страстный шепот.

Я, отступив от края крыши, разворачиваюсь. Тот самый парень из холла. Что ему надо?

- Как ты назвал меня? - спрашиваю я у него с удивлением.

- Ты...ты не помнишь меня? - он явно обескуражен.

- Помню. Ты один из гостей Джамиля. Ты хотел купить меня.

- Да. Хотел. Ты прекрасен Джарван.

Он подходит ко мне, протягивает руку и дрожащими пальцами тянется к моему лицу.

- Не смей! – кричу я и бью его по руке. Он не приятен мне. Глухая волна злости поднимается внутри. - Кто ты такой?

- Амир. – губы парня сжаты в тонкую линию и его глаза сверкают гневом. Он делает шаг мне на встречу. – Ты не посмеешь указывать мне, гаремная подстилка. - шипит он мне в лицо. - Я сделаю с тобой все что захочу!

Я выворачиваюсь и достаю свои когти.

- Один шаг и ты полетишь вниз распотрошенной птичкой. – смеюсь я ему в ответ. – Давай сделай этот шаг, я почему-то хочу убить тебя, дай мне повод!

- Сумасшедший. – жарко шепчет Амир, пятясь от меня. На крыше раздаются голоса, и он, развернувшись, поспешно отступая в тень, уходит.

Я отворачиваюсь и опять смотрю на море огней. Амир... пульсирует в голове моей это имя... Амир... Амир и Наджиха. И перед моими глазами, покрывшись мелкими трещинами рухнула завеса отделяющая меня от моего прошлого. Вскрикнув, я отшатнулся от края крыши... Таир! Мое имя Таир!

Я мчусь к Гайсу и Шамилю, ворвавшись в комнату, со слезами рухнув в их объятия, не могу остановиться кричу и плачу.

- Хаби би, Львенок. - трясущимися руками обнимает меня Гайс. - Что произошло?

- Я убью его! - вскакивает Шамиль.

Я ловлю его за край одежды.

-Это не он... Это я... Я - Таир! Я вспомнил!

Гайс нежно укачивает меня в своих объятиях, Шамиль тихо опускается рядом целует мои руки.

-Тише, Львенок, тише.

И я, вздрагивая проваливаюсь в темный сон, не выдержав случившегося.

===== 9 =====

Просыпаясь, я прижимаясь к Шамилю и с силой сжимаю в руках пальцы Гайса, даже во сне боясь остаться без них.

Вспомнив о вчерашнем, я тону в волнах паники с силой вжимаюсь в Гайса, он, даже не проснувшись, подгребает меня к себе и поглаживает укачивающими движениями. А в голове у меня хоровод мыслей и эмоций.

Александра! Мама! И тяжелая тоска душит меня.

Малик! И глухая обида захлестывает с головой.

Амир и Наджиха! И ненависть печет в области сердца...

Хамдан. И сердце, сжимаясь от непонятных чувств, пропускает удар. Что со мной? Почему одна единственная ночь вдруг поставила его в число моих ключевых фигур.

И я, прячась от этих мыслей, поближе придвигаюсь к Шамилю, он ворча утыкается губами в мою макушку. Что я без вас? Что делать? Невозможно жить так как раньше. Гайс, приподнимаясь на локтях, внимательно смотрит в мое лицо.

- Теперь тебе есть куда уходить, Львенок? - он поглаживает и перебирает мои волосы.

- Да. - врать ему бесполезно.

Он отводит взгляд, а мое сердце прошивает игла боли. Я чувствую как руки Шамиля сжимаются на моей талии, и он утыкается мне в шею, шепчет:

- Расскажи нам...

Выламывая пальцы и опустив глаза я тихо, едва слышно, рассказываю о себе, стирая дорожки непослушных слез.

Гайс и Шамиль, нежно поглаживая мои руки, перебирая волосы притихли по бокам.

- Обещай не спешить, Львенок. - голос Гайса дрожит. - Нужно все обдумать. Амир теперь знает, что ты жив. И это плохо. Если об этом узнает твой отец, лучше не станет. Позор, старший сын, наследник рода, наложник в гареме...

- Амир обо мне знает и это хорошо, Гайс. - не соглашаюсь я. - Мне нужно кое в чем убедиться, и для этого нужно встретится с ним наедине.

- Если об этом узнает Хамдан или евнух, то ничем хорошим это не закончится - предостерегающе возразил Шамиль.

- А если Амир сам придет ко мне?

Гайс поднялся и стал в задумчивости мерить комнату шагами.

- Возможно, это единственно верный способ. Только осуществить тебе его не получится. Хамдан увлечен тобой, и ты, Львенок, проведешь еще не мало ночей в его покоях. - Гайс остановился напротив меня, внимательно вглядываясь в лицо. - Но это дает возможность действовать нам.

- Амир-бей, - Гайс капризно надул губы. - Я не стал бы так рисковать, не будь я сам глубоко заинтересован. Джамиль сказал мне, что Вы пытались купить Джарвана или хотя бы ночь с ним?

Амир, прищурившись смотрел на томно выгнувшегося в кресле юношу.

После того, как Амир увидел Таира на сцене в борделе Джамия, он застыл на месте пронзенный страхом. Если Таир жив, то сам Амир и его мать находятся в одном маленьком

шаге от краха. Отец никогда не простит им того, что они сделали с его первенцем. Но после танца Джарвана, Амир потрясенно замер на месте, странная болезненная судорога сжала его сердце, выдавив в кровь смертельную дозу любовного яда. И теперь мысли Амира, отравленные этим зельем, уже приняли совсем другое направление. Тогда он, не сдержавшись, вспыхнув мгновенным желанием, даже не подумал о преступности своей страсти. Горячий, извивающийся Таир, рыжие волосы огненными змеями ласкали его белоснежную кожу, а его кинжалы словно прищипывали взгляд Амира к телу Таира. Намертво впечатывая в память прекрасную хрупкую линию шеи, перетекающую и красивый разворот плеч, с нежными ключицами, которые хотелось зацеловать. Тонкая талия, которая поражала змеиной гибкостью так и тянула оплести ее руками. Длинная полупрозрачная ткань, которая едва держалась на бедрах Таира, не столько скрывала, сколько подчеркивала поджарые упругие ягодицы красивой формы... К щекам Амира прилила кровь, в паху нарастало сладко-болезненное напряжение. И еще Таир потерял память.

Гайс, сидящий в кресле, сейчас подтвердил этот факт. Значит, можно воспользоваться этим фактом убить сразу двух зайцев, сделать Таира своим любовником и обезопасить себя и мать от внезапного разоблачения, на тот случай если Таир что-то вспомнит.

И в фантазиях Амира, Таир, сладко выгнувшись, поманил его в бездонную сладость порочной связи. Но стоит ли доверять этому Гайсу? Бардельная шлюха. А если он подставит его? Хотя мотивы Гайса были очевидны. Джарван мешал ему добиться внимания Хамдана. Любимый наложник Хамдана, запредельная мечта любой гаремной подстилки. И Амир решился.

- Хорошо, что ты предлагаешь?

- Я могу устроить вам встречу с Джарваном.

- И он согласится?

- Вот Вы, Амир-бей, и постарайтесь, чтобы он согласился. Хамдан может дать ему все, кроме одного. Глупый мальчик хочет любви. Он не похож на нас, живет какими-то странными идеалами. - и Гайс грациозно соскользнул с кресла и, замерев в дверях номера, обернулся. - Это по силам юному бею? - и дверь за Гайсом неслышно закрылась.

===== 10 =====

Тонкая, изящная вязь летела из-под калама Хамдана. Я, не отрываясь, смотрел на его тонкие пальцы. Его пальцы стали моим фетишем. Я мог смотреть как он в раздумье отщелкивает четки, как пишет что-то или как подчеркивает фразу утонченным, продуманным до мелочей жестом. Но больше всего я любил не смотреть на эти пальцы, а чувствовать их на себе. От одного воспоминания о том, как нежно они могут обрисовывать косточки позвоночника, заставляя меня изгибаться в нетерпении, как они могут обводить затейливым узором прозрачный рисунок вен под тонкой кожей живота, заставляя меня вздрагивать от разрядов тока желания. Как с доскональной точностью они, изучив мое тело, дарят ласку всем эрогенным зонам, то ласково и трепетно, то требовательно и бессовестно. Как доведя меня до тонкой грани безумия, где остаются только животные инстинкты, заставляют меня наслаждаться собственным бесстыдством. Вот и сейчас, я сгорая от стыда и нетерпения, следил за тем как он работает. Уже трое суток Хамдан не прикасался ко мне, наказывая за дерзость.

- Ты возвращаешься домой. Гайс и Шамиль поедут со мной. - сухо обронил Хамдан.

Я сжал зубы. Горячая жгучая обида затопила все мое нутро. Наигрался значит? Я вздернул

подбородок вверх, пытаюсь удержать озера горячих слез вдруг моментально наполнившие глаза. Скрестив руки на груди, что бы унять их дрожь выдавил из себя:

-Я могу идти?

Хамдан молча кивнул, и я рванул из комнаты. Кружа в бешеной злости втыкал свои кинжалы куда попало. Скотина! Козел! Откуда-то из-под сознания выкарабкивались ругательства. Я - идиот, напридумывал себе что-то. И сай входят как в масло в дверцу шкафа. Открыв шкаф, я в бешенстве выкидываю оттуда вещи... Это вещи? Таир, ты шлюха! Эти полупрозрачные струящиеся туники и шаровары, набедренные накидки, богато украшенные золотом и жемчугом и есть вся моя одежда? Игрушка!

- Принеси мне нормальную одежду! - рявкаю я на вбежавшего на шум евнуха.

Я надеваю светлые легкие брюки и серую рубашку, заплетаю волосы в затейливую косу, этому меня научил Гайс, и прячу глаза за темными стеклами очков. Как я отвык от подобной одежды! Раздраженная кожа чувствует каждый шов и каждую складку. Остальное я решаю оставить тут понимаю, что это глупая детская обида, но не могу ничего с собой поделать. Подхватив свои кинжалы, укладываю их в футляр и застываю на пороге комнаты оглянувшись. Как много я потерял в этом месте и как много нашел. Оно стало поистине ключевым в моей жизни. С горькой ухмылкой я покидаю его.

Обняв Гайса чувствую, как горячие ладони Шамиля поглаживают мою спину. Но теперь они не вызывают во мне острого томления, а лишь согревают нежностью. Ищу губы Нежнейшего и целую их с каждой секундой настойчивее и настойчивее, пытаюсь высечь из поцелуя ту искру, что разожжет в моей груди пламя. Но напрасно. Поцелуи Гайса не вызывают и сотой доли того, что я чувствую с Хамданом. И это невыносимо.

Гайс, отстраняясь, берет в ладони мое лицо, внимательно всматриваясь, он довольно щурится, а я пытаюсь спрятать свои виноватый взгляд.

-Львенок, - шепчет он, нежно обводя рисунок моих губ. - Хаби би, сероглазый забрал гораздо больше чем просто невинность?

Я чувствую как на моей спине замирают ладони Шамиля. Как Гайс, напряженно всматриваясь в мое лицо, ищет ответа. И я разрываюсь от боли. Простите меня!

- Простите. - шепчу я.

Ласка Шамиля продолжает свой неспешный путь. А губы Гайса вновь накрывают мои.

- Это прекрасно, Львенок.

- Джарван! - холодноватый голос евнуха разорвал наши объятия. - Пора.

Дорога домой прошла в полном молчании. Молча же меня проводили в мою новую комнату. Окинув взглядом которую, я плотно сжал зубы боясь того, что мои эмоции выплеснутся. Евнух покинул меня, сообщив, что вещи доставят позже. Комната была строгой почти аскетичной лишённая даже тонкого намека на роскошь. Вот куда Хамдан помещает надоевшие ему игрушки.

Через час в комнату робко поскреблись и, не дожидаясь ответа, внесли мои вещи. Все те, что я привез в этот дом от Джамиля. Ничего из подаренного Хамданом там не было. Я скривил губы

в насмешливой улыбке надеюсь следующий наложник высоко оценит доставшиеся ему украшения. В моем кармане тихо завибрировал телефон. Этот телефон передал мне Гайс и единственный человек, который мог мне позвонить был Амир. Глубоко вздохнув я нажал на кнопку ответа.

-Джарван, душа моя. - голос Амира был глух.

Я поморщился от отвращения, но, глубоко выдохнув вспомнил, что мне отведена роль глупой пустышки пропел в трубку.

-Амир, как я рад тебя слышать.

Я откинулся на кровать, закрыл глаза и принялся выслушивать Амира. О, Всевышний, сколько же в этом человека самодовольства. Считая меня продажной подстилкой Хамдана, он не на минуту не сомневался в том, что я выберу его, Амира. Я еще раз поморщился слушая почти неприкрытые нотки похоти, звучащие в голосе Амира.

- Джарван, мой золотой львенок, когда же я смогу сжать тебя в своих объятиях?

А вот это конструктивный вопрос. Его-то я и ждал. Тягостно вздохнув в трубку телефона, я сделал тот шаг, который мы так тщательно планировали с Гайсом и Шамилем.

- Амир, - я постарался вложить в голос тоску. - Это невозможно сейчас, но я не оставляю надежду на милость Всевышнего.

- Я сделаю все возможное и не возможное, чтобы ты был моим Джарван.

Меня передернуло от отвращения, и я, не выдержав, нажал отбой выключив телефон. Амир получил мое вербальное согласие осталось ждать пока он найдет ту маленькую лазейку, через которую я смогу выскользнуть, чтобы начинать осуществление своего плана.

Я обливаясь потом застыл под острым кинжалом инструктора.

- Джарван. - тихий спокойный голос инструктора, который даже не запыхался в нашем поединке, объяснял мне мои ошибки и промахи. - Ты очень любишь эффектные позы. Что хорошо для танца, плохо для воина. Пока ты будешь красиво выгибать кисть, я дважды убью тебя. Твои движения лишены силы, поэтому они должны быть молниеносны. Используй свое искусство, а не спотыкайся об него. Еще круг.

И мы снова заскользили в поединке кинжалов. Это единственное, что оставалось мне. Хамдан, вернувшись, так и не вспомнил о моем существовании. Видится с Гайсом и Шамилем мне удавалось не часто. Они находились в лучших покоях дворца и попасть туда было невероятно сложным, как и оттуда попасть в нижние комнаты для прислуги, в которых обитал я было не просто. Насмешливая снисходительность прислуги к бывшему любимцу Хамдана, уничижительное отношение его жен и наложниц ко мне, все это было мне на руку. Только железная воля евнуха не давала выплеснуться этому негативу в какой-нибудь извращенной форме, и они, бросая мне насмешки, злились еще больше, натываясь на мою белозубую улыбку.

После тренировки, забравшей у меня все силы я плелся в свою комнату, когда мне преградил дорогу Шамиль, молча кивнув мне в сторону роскошного парка, он удалился.

Значит они Гайсом будут ждать меня там. Времени сменить пропитанную потом одежду не было. И я, развернувшись, избегая вездесущих любопытных взглядов, выскользнул в прохладу тенистого парка. Добравшись кружной дорожкой до купален, замер прислушиваясь. Услышав капризный голос Гайса, который требовал оставить его одного и отославшего прислугу я улыбку. Кто бы мне сказал, что Гайс умеет так играть, изображая из себя капризного наложника, никогда бы не поверил.

Подождав пока удалится последний из прислуги, я скользнул в ласковые объятия Гайса и Шамяля. Наслаждаясь их нехитрой лаской и жарким шепотом, мы делились последними продвижениями в нашем плане.

- Шамялю удалось достать видеокамеру, которая будет моментально передавать изображения на компьютер, записывать и обрабатывает его осталось установить. Ты действительно этого хочешь, Львенок? - Гайс с тоской взглянул в мои глаза.

- Гайс. - понимая, чем рискуют они я обнял его. - Вы и так неизмеримо много делаете для меня, если вы решите остановиться сейчас я пойму.

-Нет! - голос Шамяля прервал меня. - Это шанс для всех нас. - и он, прижав меня к себе, выдохнул в макушку, - Жить без свободы не имеет смысла, но жить без вас хуже.

Гайс задумчиво молчал.

- Нежный, о чем ты задумался? - взгляд Шамяля, горевший шальным огнем, смягчился, когда он посмотрел на Гайса.

- Я боюсь. - Гайс виновато отпустил голову. - Я не понимаю, о чем вы говорите. Я не знал ни дня свободы, к которой вы так рветесь. Но я сделаю все ради вас.

- Гайс. - Шамяль сжал руку Гайса. - Нужно уходить. Львенок. - хитро скользнув по моей фигуре, глаза Шамяля блеснули. - Ты становишься похож на острые грани своих кинжалов. Прекрасен и опасен.

Я отвернулся, пытаюсь подавить внутреннюю дрожь. Кому нужна моя красота? Красота, сделавшая меня игрушкой, лишившая остатков гордости? Теперь я отказываюсь от нее, выбирая опасность. Гайс, скользнувший ко мне обнял за плечи и прошептал, утыкаясь в шею:

- Хамдан скучает. Подумай, Львенок, что тебе на самом деле нужно?

Я сжал руки Нежнейшего в невыразимой тоске. Я не смогу забыть Хамдана, но оставаться в отведенной мне роли тоже не могу. Я для него лишь красивая желанная игрушка, которую наказывают за малейшее неповиновение, задвигая в дальний ящик. Оставшись один, я стянул с себя одежду и погрузился в прохладные воды купальни. Пытаясь водой смыть горький осадок оставшийся от последнего вопроса Гайса. Почему-то риск задуманного дела не вызывал во мне таких сильных эмоций. Я как-будто отгородился от намеченного плана, воплощая его с механической последовательностью. Трезво анализируя результат и обдумывая следующий шаг, тщательно выверяя каждое сказанное слово. Но стоило Гайсу вскользь упомянуть о Хамдане, как меня затопил шквал эмоций, сметая все на своем пути, смещая мои ценности со своих мест.

Я, вынырнув на поверхность, увидел что у края стоит Хамдан. Замерев под пронзительным взглядом серых глаз, я растерялся. Вдоль позвоночника привычной волной возбуждения пробежали мурашки. И тут же в голове заплясали подленькие уничижительные мыслишки о

том, что мое тело давно не приводят в порядок заботливые руки евнуха и моя кожа потеряла свою атласность, покрыта ссадинами и синяками полученными на тренировках; что мои волосы давно не стриженные, сейчас мокрым спутанным клубком лежал на спине. Я мысленно отвесил себе оплеуху и, задрвав подбородок, нагло ухмыляясь стал выбираться из купальни.

- Простите, жаркий день и я не удержался. – мои покаянные слова совсем не вязались с моим хамоватым тоном.

Хамдан, пожав плечами, развернувшись ушел. Я, закусив губу, смотрел ему в след, стараясь не завывать от отчаяния.

Хотелось сорвавшись с места кинуться за ним следом, и умолять ... умолять о прощении. Хотелось, чтобы в его глаза вернулась та страсть, которая кипела там раньше. Ненавижу себя за это!

Хамдан замер на краю купальни. Посреди, раскинув ноги и руки, дрейфовал Львенок. Он жадно скользил взглядом по изгибам его обнаженного тела. Он ревновал к воде, ласкающую эту белоснежную кожу и ласково расплетающей эту спутанную огненную гривку.

Этот мальчик острым кинжалом с первого взгляда насквозь пронзил душу Хамдана. Но его непокорность и дерзость ошпарили гордость Хамдана. Он дал ему все. Любой его каприз, любое его желание готовы были выполнить, повинувшись одному взмаху его ресниц. Но мальчишка отбросил этот дар, как нечто ненужное. Он, дерзко задирая подбородок, огрызался, кидая слова не менее острые, чем его кинжалы. Этот Львенок играл сердцем Хамдана и был абсолютно не приручаемый. Хамдана не вводили в заблуждение его минутная покорность, ни пылкость в любви и приступы нежности. Он понимал, что это только очередная прихоть его Львенка. Он не понимал его абсолютно, не понимал систему ценностей в мире Львенка. После очередной дерзости решил наказать его и отдалил от себя. Но Львенок, как оказалось, совсем не огорчился ни минуты, не старался приложить усилия, чтобы искупить свою вину. И сердце Хамдана полоснула жгучая обида.

Вот и сейчас вопреки всему его Львенок, раскинувшись в голубых водах купальни, словно драгоценная жемчужина, манил белизной своей кожи. Увидев его, он, блеснув белозубой улыбкой, снова надерзил ему. Хамдан сжав губы в упрямую полоску, подавляя горячее желание прикоснуться к своему сокровищу, ушел. Его разрывало от намеченных в душе чувств обиды за равнодушие Львенка, восхищения его дерзостью, желанием усмирить эту дерзость и почти благоговением перед его красотой. Впервые мужчина не понимал, что делать.

===== 11 =====

Сделав ложный выпад, я сбил наставника с ног и прижал к его горлу острие кинжала. Да! Волна почти предоргазменного удовольствия затопила меня. Как это сладко, ощущать поверженного противника.

Я ласково провел по его шее острием кинжала, заметив как дернулся кадык мужчины, подняв на него взгляд, встретился с пылающим страстью взглядом. Нервно облизав губы, я списал все на непривычное воздержание.

Раньше я купался в чувственном и сладком удовольствии любви, сейчас же я урывал маленькие кусочки ласки при встречах с Гайсом и Шамилем. Подав руку наставнику, я помог ему подняться и с почтительным поклоном поблагодарил его за урок.

- Джарван, сегодня, ты победил. - привычно глухой голос наставника просел еще больше. - Кроме твоих сай, у тебя есть еще одно оружие, которое подобно яду, проникает в противника, делая его слабее. Не оберни его против себя.

Я вопросительно взглянул на наставника, желая потребовать объяснения, но раздавшиеся вдруг одиночные аплодисменты разорвали тишину тренировочного зала. Обернувшись к незваному зрителю, я с удивлением увидел девушку. Высокая, с царственной осанкой и гривой огненных волос, заплетенных в немыслимое количество косичек.

Она надменно осматривала меня, презрительно усмехаясь. Наставник тут же отвернувшись, стараясь не смотреть на бесстыдно открытое лицо девушки, покинул зал.

- Вот ты какой, Львенок. - девушка подошла ко мне.

- Какой есть, а ты пришла полюбоваться на меня? Ну что ж я за просмотр денег не беру. - кто это догадаться было не сложно. Единственный человек, который мог позволить себе такую красоту был Хамдан.

- Любопытство - мой порок. Единственный порок! - девушка встала в пол оборота, давая рассмотреть безупречные черты ее лица и оценить прелесть белоснежной кожи.

Мое сердце побитым щенком скулило в груди, но я улыбался. Хамдан быстро нашел мне замену, более совершенную, и я не сомневаюсь, что замена пришлась ему по вкусу, судя по богатству браслетов, скользивших на тонких запястьях девушки. Вскинув голову и одарив ее еще раз белозубой улыбкой, я поведал девушке:

- Я оценил, ты прекрасна. Но не для того человека стараешься.

- Ты холодный, так же как твои кинжалы! Что мог Хамдан найти в тебе? - девушка явно была взбешена.

Мое горло перехватило болезненным спазмом от волны воспоминаний о Хамдане и ночей, проведенных с ним. Не было в тех ночах и грамма холодности. Я таял от нежности и сгорал в огне его страсти, обессиливая к утру. Но к ночи снова с нетерпением желая этого огня. И я не в силах вымолвить и слова, пожав плечами, отвернулся.

Почему меня нельзя оставить в покое? Что я им всем сделал? Его жены, наложницы, прислуга, все как-будто упивались моей немилостью, а я ведь даже не видел их до последнего момента ни разу.

Надо поторопить Гайса и Шамиля, появление этой огненной красавицы тут поставило точку в бесчисленных днях моих душевных метаний.

Я сидел перед монитором и смотрел на Гайса, вольготно раскинувшегося на кровати.

- Ты меня видишь, Львенок? - Гайс томно вытянулся.

- Вижу. - выдохнул я, забывая о том, что он меня не слышит.

- Давай проверим качество записи и скорость передаваемого сигнала. - показался рядом с кроватью Шамиль. - Смотри, Львенок, рядом с картинкой должна быть меняющаяся диаграмма

и таблицы. В верхней части таблицы красным шрифтом идет переменное значение, видишь? - прозвучал в моих наушниках голос Шамиля. - Продиктуй мне значения.

Я послушно выполнил данное Шамилем задание.

- Шамиль откуда ты все это знаешь? - с удивлением спросил я.

- Кто-то крутит сай, кто-то коротает свои будни иным способом. - сверкнул улыбкой Шамиль.

- У него талант, Львенок. - Гайс, эротично раскинувшись на кровати, бесовестно позировал в камеру. - Сначала Хамдан забыл из-за тебя про нас, сейчас же, опять из-за тебя, предпочитает не вспоминать про нас. Времени более, чем достаточно. У Джамиля Шамиль многому научился, а здесь он добился согласия Хамдана заниматься этим вплотную. Видел бы ты какой шок был у охраны, когда один из наложников стал приходить туда как на работу. - хихикнул Гайс. - А сейчас я покажу мастерство своего таланта. - шепнул Гайс, опуская ресницы и кончиком языка облизывая верхнюю губу.

И он показал... Я, как приклеенный, замерев и забыв как дышать, не отрываясь смотрел на монитор. А Гайс, бесовестно лаская свое тело, плавными отточенными движениями танцора изгибался, избавляясь от одежды. Моя рука дернулась и потянулась к паху, с губ сорвался болезненный стон. Мне казалось, что это я ласкаю Нежнейшего, и я почти реально ощущал его руки и губы. Похоть жаркой дугой выгнула меня, заставляя страдать от того, что я не получаю таких желанных ласк.

- Еще чуть-чуть... - стонал я в унисон Гайсу.

- Все сеанс закончен. - хриловатый голос Шамиля, разорвал этот чувственный контакт. - Львенок, ты не забыл про цифры и диаграмму?

-Издеваешься да? - я разочарованно простонал ему в ответ.

-Как догадался? - Шамиль, сам не менее возбужденный, пожирал взглядом Гайса. - Нам нужно срочно возвращаться, иначе наше отсутствие заметят. Не забудь спрятать ноут.

Захлопнув крышку ноута, я убрал его в шкаф, тщательно прикрыв легкомысленными нарядами. Мое изгнание давало свои преимущества. Теперь меня оставили в покое, предоставив максимально возможную в гареме свободу.

Томление, которое поселил во мне Гайс не исчезло. Натянув легкие черные шаровары, которые не стесняли движения во время тренировок, я подхватив сай решил выпустить пыл. Спускаясь в тренировочный зал, я услышал шум нарастающего скандала. Сердце сжалось нехорошим предчувствием, как только я услышал имена Гайса и Шамиля. Поспешив на шум, я увидел евнуха, он отчитывал охрану, которая не могла найти их.

- Что значит нигде нет? - шипел на охрану багровый от злости евнух. - Где Джарван?

- Что ты так кричишь? - лениво протянул я, сдерживая зайцем скачущее сердце.

- Где Нежнейший и Шамиль? Господин желает видеть их! Впервые! - его палец взметнулся вверх. - Шайтан меня попутал, когда я решил купить вас! Такие деньги и псу безродному под хвост!

Страх липкой паутиной сковал все мое тело. Что же делать, еще минута и охрана прочешет все

обнаружит дорогую пропажу?! Я, обогнув евнуха, распахнул двери ведущие в покои Хамдана.

Музыка, хлынув из распахнутых дверей словно подтолкнула меня в спину, и я, вплетая шаг в ритмичный бой барабанов, двинулся к раскинувшемуся среди подушечек Хамдану. Томной змеей, выползла откуда-то из-под сознания страсть, разбуженная ранее во мне Гайсом, заставляя мое тело бесстыдно изгибаться в приглашающем танце.

Возле ног Хамдана изящной золотой статуэткой застыла новая наложница, сверлившая меня злым взглядом. Она, украшенная переливами драгоценных камней и нежным плетением золота, одетая в полупрозрачные одежды, с кожей умащенной благовониями, сама казалась диковинным яством, к которому тянется рука, желая вкусить такой щедрый дар природы. И змея ревности, сплетаясь в танце с томностью, сделала мой взгляд острым словно пряный перец и движения сай еще агрессивнее. И я тек и переливался под музыку, то желая покорить Хамдана, то желая быть покоренным, отпустил на волю пляску своих чувств, вплетая эмоции в танец. Рассказывая ему про все тайны своего сердца движениями. Мои глаза умоляли его, но мои кинжалы держали на расстоянии.

Замерев от наглости наложника, у дверей застыл евнух. Но, увидев, что господин, ошарашенный появлением Джарвана, потерял свою хваленую выдержку и жадно тянется на встречу, желая приручить мечущийся перед ним огонь. Какая опасная и завораживающая игра! Лишенный плотских желаний евнух наслаждался обменом эмоций.

Все-таки не зря он купил этого Львенка. Только такой огонь способен тронуть равнодушное сердце его хозяина.

Сколько мук пришлось перенести ему с тех пор как гордый Джарван, не слушая доводы разума, не желал добиваться расположения хозяина. Сколько прекрасных наложников и наложниц пересмотрел бдительный взгляд евнуха, желая найти замену дерзкой игрушке. Но хозяин только одаривал приобретенных взамен Джарвану дорогими подарками, не одаривая их своим вниманием. Праздник в женской половине дома, после изгнания Джарвана из покоев господина, перерос в напряженную тоску, когда господин не взял никого на столь желанное, но пустующее место. Место, которое возносило обитателей этого мира на самую его вершину, и приносило все, о чем только можно было бы мечтать. Даже золотая кошечка Хадиша не успокоила сердце и тоску хозяина, хотя была точно копия Львенка: белокожая, гибкая и золотая. Но не было в ней огня львенка.

Того огня, который неугомонный Джарван сейчас так щедро разливал вокруг под страстный шепот стихающей музыки. А господин, поглощенный его танцем тяжело дышал, дрожа от нетерпения, как неоперившийся птенец. О! Это зрелище стоит гораздо большего, чем можно купить за деньги. И евнух отозвал незаметным жестом Хадишу, закрыл двери в покои хозяина. Жалея, что не узнает каким становится это бешенное пламя в руках господина.

Хадиша, нервно обрывая кисти дорогого пояса, раздраженной кошкой шла рядом. Евнух окинул ее задумчивым взглядом, размышляя продать ли эту золотую кошечку, выручив за нее хорошую сумму или придержать, зная непостоянного и вспыльчивого Джарвана?

Я замер у ног Хамдана, мое сердце стучало в такт затихающим барабанам. Я, распаленный танцем и неутоленной страстью, изнывал от желания. Но Хамдан молчал. Он не хочет меня? И я вскидываю глаза, желая понять, что происходит с сероглазым и тону. Тону в кипящей

страсти потемневших глаз, словно под гипнозом, повинуюсь молчаливой просьбе мои пальцы разжимаются и сай с мелодичным звоном падают у ног, а на них секундой позже опускается черная ткань шаровар и я делаю шаг навстречу человеку, который властвует в моем сердце.

===== 12 =====

Нежно обвожу контур зацелованных мной губ, разлет бровей, смотрю на черные полукружья ресниц, и мое сердце плавится и тонет в жгучей нежности. Почему моя нежность такая болезненная? Она острой иглой прокалывает мое сердце, надежно пришивая его к этому человеку. Я должен ненавидеть его. Надменный, привыкший к миру лежащему у его ног, купивший меня, но я люблю. Люблю вопреки своей гордости и совести.

Его ресницы вздрогнули, и удивительные серые глаза полные ответной нежности смотрят на меня. И от этого мне еще хуже. Зачем же ты, мой гордый и невозмутимый, что-то чувствуешь ко мне? Как же мне тогда уйти от тебя, когда я вижу столько же любви в твоём взгляде?

Руки Хамдана обвивают мою талию, начиная двигаться знакомой дорожкой, ведущей к самой острой вершине удовольствия. Наша утренняя любовь всегда нетороплива, переполнена тягучей томностью, позволяющей прочувствовать каждое прикосновение и каждый поцелуй. Услышать каждый вздох и каждое нежное слово. Она дарит почти мучительное удовольствие, которое окутывает все тело, словно пропитывает собой каждую пору.

После утомленный, не желающий даже приоткрыть глаза, я лежу на груди Хамдана, слушая успокаивающийся ритм его сердца. Бой его сердца - вот самая сладкая и желанная для меня музыка.

- Хаби би, любовь моя, как я скучал по тебе, непокорный. - тяжело вздыхает Хамдан.

- Я люблю тебя. - признаюсь я, пряча запылавшее лицо, утыкаясь ему в грудь.

Хамдан кончиками пальцев приподнимает мой подбородок, любуясь на румянец.

- Как я не хочу оставлять тебя. Неделю, мой золотой Львенок, целую неделю я буду вспоминать как ты пришел ко мне.

Я сжался под его чуткими пальцами:

- Ты уезжаешь?

- Дела, мой драгоценный, я не могу отменить все и взять тебя с собой не могу.

- Я буду по тебе скучать. - я еле выдавил из себя эти слова.

Неделя... Мое сердце разошлось кровавыми швами. У меня была последняя неделя, когда я еще мог побыть с тобой, а потом я, если все пойдет по плану, получу свою свободу, а если нет, то простить меня ты все равно не сможешь.

И я целую его, вкладывая в поцелуй плачь своей души. Что же мне нужно на самом деле? Как же прав был Гайс, рассмотрев мое зарождающееся чувство еще тогда в купальнях.

Я смотрел в бездонную синь неба, наблюдая за удаляющейся точкой вертолета. Как я не хотел отпускать его! Замерев под палящим солнцем, не мог оторвать взгляд от точки, которая стала

почти невидимой. На мои плечи мягко скользнув отпустилась нежная ткань.

- Твоя нежная кожа, Джарван, не выдержит такого палящего солнца. - в голосе евнуха вновь проступила бескрайняя забота. - Твои вещи перенесут в верхние покои.

- Нет. - резанул я ответом евнуха. - Только посмейте прикоснуться к моим вещам! Ничего не изменится, я буду жить там же!

- Но, Львенок. Господин спустит с меня три шкуры, а из четвертой прикажет сделать тебе новые ножны, если узнает, что я не позаботился о тебе, Жемчужный!

-Я сказал не смей! С Хамданом я сам поговорю о том, где я хочу жить.

Евнух пожав плечами склонил голову в знак согласия. А этот Львенок вовсе не так прост, он не хочет отдельных покоев, он хочет покоев самого господина. И евнух уважительно прищелкнул языком, оценивая ум и амбиции Джарвана. И, судя по всему, господин не будет против его просьбы.

Я обняв Гайса сидел в ногах у Шамиля. Они, наслышанные о изменениях в моем статусе, отмалчивались.

- Ты не передумал? - пальцы Шамиля, перебирившие мои волосы дрогнули.

- Нет. - выдохнул я в шею Нежнейшему, пряча непрошенные слезы. - Завтра. Я позвоню Амиру, и мы начнем нашу главную игру. Хамдан улетел на неделю и все немного расслабятся. У меня будет возможность покинуть дворец незаметно.

- Хаби би. - голос Гайса от волнения просел. - Еще не поздно все отменить.

- Нет! - выдохнули мы с Шамилем синхронно.

И Гайс, смирившись с нашим решением, еще крепче прижал меня к себе.

- Мне без вас все равно не жить, пусть все будет по воле Всевышнего. Кто знает, может так и надо? - согласился он.

Не выдержу! Закусив губу, я стараюсь подавить в себе рвотные позывы. По моему телу ползут чужие пальцы, впиваясь в кожу, как клещи. Я вздрагиваю от этой невыносимой похотливой ласки, слезы обжигают мои глаза, и с губ срывается стон. Мне жарко дышит в ухо Амир, вызывая желание подхватить свои сай и распотрошить это тело, перерезать каждое сухожилие, прикасающихся ко мне пальцев. Я почти с упоением воображаю, как бы сделал это. Но вместо этого поддаюсь на встречу, выдыхая вопрос за вопросом. И Амир, испепеленный своим желанием, не думая отвечает.

Я облегченно вздыхаю получив ответы на все волнующие меня вопросы и улыбаюсь мигающему красному глазку видеокамеры, замаскированной в стене, отталкиваю его. Подхватив кинжалы с пола, направляю острие в его обнаженную, покрытую бисеринками пота грудь. Он тяжело дышит и нервный смешок срывается с его губ:

- Хочешь поиграть, сладкий, ну не томи меня уже. - Ты и так водил меня столько времени на

поводке своего желания.

-Нет, Амир, игры закончились.- И я слегка нажимая на сай, прокалываю его кожу, морщась от брезгливости. - Теперь начнется другая игра, но по моим правилам.

- Чего ты хочешь, Львенок? - все еще не веря смеется Амир.

- Таир. Называй меня моим именем, брат.

И взгляд Амира моментально трезвеет в нем уже нет и следа похоти, он прожигает меня ненавистью.

- Продажная шлюшка, значит, ты все помнишь!

- Ты помог мне вспомнить. И тебя, и твою мать. Интересно, что скажет Малик, когда увидит снятый мной фильм?

Взгляд Амира моментально побежал по комнате в поисках камеры. Он подхватил стул и швырнул его в стену, догадываясь с какого ракурса я снимал происходящее. Найдя камеру, он с остервенением швырнул ее на пол и растоптал.

-Бессмысленно, Амир. Сигнал передает изображение на монитор, который находится не в этой комнате. Так что фильм сохранен и готов к отправке, и, если через час я не введу пароль, блокирующий отправку, то Малик получит возможность узнать о том, как его сын проводит время и с кем.

- Чего ты хочешь? - Малик на удивление быстро взял себя в руки.

Все же из него бы получился достойный сын своего отца, не вмешайся судьба, с горечью подумал я.

- Мне нужно три паспорта, возможность тайно покинуть страну и разумеется деньги.

Амир удивленно посмотрел на меня:

- Все?

- Все, Амир, мне не нужно твое наследство. Жаль, что тогда мне не верил никто. Но сейчас я позволю себе роскошь недоверия. Через три дня в это же время ты оставишь требуемое здесь. Иначе... ты уже знаешь, что произойдет. Терять мне нечего, как ты понимаешь. - с горечью я обвел свое тело руками. - Вот тут. - я кинул на кровать пакет. - вся информация. Поторопись у тебя меньше трех дней на выполнение плана.

- Это не возможно! - Амир растеряно смотрел на меня. - На изготовление паспорта уйдет не меньше недели.

- Реши проблему! Я и так долго ждал! - хлопнув дверью я сбежал по лестнице вниз к ожидающему меня автомобилю.

Забившись в угол салона, я пытался унять колотившую меня дрожь. Как говорилось в моей прошлой жизни? Скрестить пальцы на удачу?

Через неделю, стоя в аэропорту в очереди на посадку, я отчаянно трусил, не веря, что задуманное нами сбывается. Столько раз оно должно было рухнуть от нашей безграмотности и нерешительности. Столько раз наш детский план должен был раскрыться, но видимо Всевышний все же решил дать нам шанс? Я, улыбаясь, нашел взглядом Гайса, переодетого девушкой, жавшегося к Шамилю, который, затесавшись в группу студентов, делал вид, что он один из них. Я еще раз кинул взгляд на свое отражение в зеркальное перекрытие стоек и ухмыльнулся. Остриженный наголо покрытый темным автозагаром, я был похож на пережаренного туриста, а не на жемчужину из гарема Хамдана.

Хамдан! И улыбка стекла с моего лица. Не думать! Потом, когда я стану свободным. Когда покину эту страну с палящим солнцем и плюющую на современные законы, я разрешу себе думать о нем. Но не сейчас в одном шаге от заветной мечты. Не сейчас! Я не позволю себе сейчас умирать от желания вернуться к нему!

Я сжимал узкую ладошку Гайса. Тот держался из последних сил: его трясло, расширенный зрачки почти полностью затопили глаза, а побледневшие губы дрожали едва удерживая истерику. Шамиль же с жадным удовольствием оглядывался вокруг, он словно малыш в парке аттракционов разрывался от желания все сейчас и немедленно потрогать.

Когда за спиной остались и побег, и суতোлка аэропорта, и за нашими спинами закрылась дверь недорогого отеля, Гайса прорвало, он всхлипнув упал на руки Шамилю, беззвучно рыдая. Шамиль, поглаживая по голове Нежнейшего, смотрел на меня в растерянности. Я подсел рядом, мягко убирая мокрые прядки, прилипшие к заплаканному лицу. Обнял мелко дрожащее тело и, укачивая шептал о том, что все будет хорошо, о том, что все у нас получится.

Верил ли я в это? Верил! Искренне и горячо. И впитывая мою уверенность Гайс, расслабившись задремал, но встать и сменить неудобную позу я не посмел. Не посмел вспугнуть такой хрупкий покой. За окном темнело. Вечер, переливаясь всеми оттенками розовато-серого наступал на город, меняя скромный наряд на яркое черное платье с алой каймой заката. Шамиль заморожено стоял у окна.

- Как же здесь долго наступает вечер... Там день сменяет ночь с такой быстротой, что не успеваешь полюбоваться на закат. А тут он как-будто, красуясь неспешно разворачивается перед тобой.

Я, покачивая Гайса, думал о том, что не чувствую и сотой доли того восторга, которое испытывает мой друг. Я скорее как Гайс хочу сбежать назад. И загонял эту мысль как можно глубже.

Мы сняли небольшую квартиру и потихоньку вращались в эту жизнь. Гайс, как ни странно, адаптировался лучше нас. Не прошло и недели, как он, мягко растягивая гласные, певуче выговаривал слова.

Шамиль, впад в детский восторг, мог часами гулять по городу. Наслаждаясь его просторами и своей свободой, в его сознании он как-то сросся с его родными местами. Он говорил, что не смотря ни на что между его родиной и городом есть что-то общее: ты так же всего лишь маленькая часть вселенной. Но свободная часть.

Парадоксально, но хуже всего приходилось мне. Я чувствовал тут свою инородность, мне не хватало тепла, не хватало красок, насыщенных ароматов, не хватало тягучей томности и неспешной размеренной мудрости. Не хватало серых глаз. Но я, загоняя тоску поглубже,

улыбаясь какой-то кривой улыбкой старался жить. Старался помочь Гайсу научиться не отпуская стыдливо взгляд перед мужчинами и удержаться от желания закрыть лицо. Научиться смотреть на незнакомых женщин без страха наказания и стыда. Научится незаметным, но важным мелочам. Все это мучительно напоминало мои первые дни в доме Малика. И я мысленно благодарил своего мударэс, обладающего почти безграничным терпением. Шаг за шагом мы входили в эту жизнь и избавлялись от навязчивого страха быть обнаруженными.

===== 13 =====

- Я все продумал. - Гайс нервно переплетал косу. - Вот тут, как ты сказал, Львенок, бизнес-план. Мы сможем, и остатка денег нам хватит на покупку здания. Только вот на ремонт и на первое время совсем не останется. - Он настойчиво придвинул нам папку с расчетами.

- Что ты скажешь? - я повернулся к Шамилю. - Рискнем?

- А чем мы рискуем? - Шамиль перелистывал папку с бумагами. - Деньги все равно закончатся, какая разница годом раньше или годом позже, а тут шанс.

- Хорошо. - кивнул я Гайсу. - Давай купим твой клуб.

Расклеивая рекламки, я дул на окоченевшие пальцы. Как самый морозостойкий, я вызвался оповестить всех желающих и не желающих об открытии нового клуба. Приклеив последний листок, я поспешил домой.

Гайс, застыв перед зеркалом в легких полупрозрачных шароварах, казался мне фантастической птицей, ворвавшейся в серость нашей жизни из восточной сказки. Он любовно оглаживал тонкий переливчатый материал, дрожащими от предвкушения пальцами, и я, заражаясь от него, тоже завибрировал внутри. Захотелось пробежаться кончиками пальцев по острию сай, вскинув руки блеснув хищным блеском кинжалов, выводить бедрами восьмерку, рассыпаясь страстью под дробь барабанов. Но сегодня наших первых посетителей будет баловать только Гайс.

Приходилось обходиться своими силами: я буду выполнять роль бармена, тем более с коротким рыжим ежиком на голове я смотрелся скорее комично, чем эротично; Шамиль же займется охраной помещения. Он просто в восторге от всевозможных следящих устройств и шпионских штучек. Права пословица про оброненный талант, который прорастет сквозь землю и расцветет там, где надо.

Нам было трудно? Нам было чертовски трудно! Первые месяцы нас повергли в почти беспросветное отчаяние. Клуб пожирал остатки наших денег, как бездонная черная дыра, не оправдывая и сотой доли тех усилий и средств, что мы вкладывали в него. Но мы с маниакальным упорством продолжали задуманное. Терять то нечего.

И только к лету в нашем темном царстве забрезжил огонек надежды. Когда в темном стилизованном под восток зале не осталось свободных мест. И когда появились первые страстные поклонники у Гайса. И в нашу восточную сказку тонкой струйкой потекли те, кто услышал о Нежнейшем и решил воочию убедиться в реальности ходивших слухах. А я, подстегивая свою фантазию, мешая бесконечные коктейли, рассказывал волшебные сказки и

небылицы, плетя миф о Нежнейшем. А он окруженный призрачным ореолом тайны, скользил и трепетал под тягучую восточную мелодию на маленькой сцене.

Гайс казался кем - то нереальным: совершенный, прекрасный, изящный, он сам словно хрупкий экзотический цветок, чудом погруженный в эту реальность, вызывал у зрителей ощущение не реальности происходящего. И к нему жадно тянулись, желая прикоснуться к этому чуду и раскрыть окружающую его тайну. Но Шамиль, словно цербер, оберегал наше сокровище, пресекая любые попытки хоть как-то приблизиться к Гайсу. И эта недоступность, приправленная дозой терпкой восточной эротики, дурманила и манила вновь и вновь в наш клуб. И наша надежда, словно оперившейся птенец, впервые подняла голову и попробовала крепость своих крылышек.

Я, встряхивая шейкер, окинул взглядом переполненный клуб. Надо брать второго помощника к бару, подумалось мне, и расширить штат официанток, мой взгляд недовольно задержался на столиках, которые не успевали убирать порхающие по залу официантки. Их тонкие шаровары и полупрозрачные туники почти не скрывали точеные фигурки, разжигая огонек сладострастия народа, отдыхающих на низких диванах и медленно, словно в гипнотическом, трансе извивающихся на танцполе.

Я нашел взглядом Шамиля, который, облаченный в черные шаровары и безрукавку, поддерживая концепцию клуба, зорко следил за залом. Он черной пантерой скользил среди посетителей давно уже перестал быть просто охранником. Он был поистине одним из лучших украшений этого клуба. Его совершенная фигура заставляла трепетать сердца и руки, жадно прикасаясь к этому совершенному телу, заставляли меня ревниво хмуриться. Но он оставался равнодушным, выскальзывая из жадно протянутых рук и игнорируя нескромные предложения. Но сейчас он, стремительно рассекая танцующую массу, спешил на помощь одной из наших официанток. Подвыпивший клиент явно перепутал наш клуб с борделем, вцепившись мертвой хваткой в запястье девушки, насильно усаживал ее на колени. Картина в сущности привычная, и я, отвернувшись, принялся снова разливать коктейли, приветствуя постоянных клиентов и флиртуя с некоторыми из них. Мне было все равно кто передо мной девушка или парень. Подогретые алкоголем и томной эротикой они одинаково реагировали на любой флирт. Вот и сейчас, даря улыбки тоненькой брюнетке, я журчал нескончаемым потоком комплиментов, наливал ей очередной коктейль. Но меня отвлек непривычный шум, оглянувшись я застыл в изумлении, проливая коктейль поверх бокала на стойку.

Выдержанный Шамиль, выворачивая руку несчастному клиенту, буквально волоком тащил его сквозь танцпол, рассыпая по сторонам шипящие угрозы. Что случилось? Он сошел с ума? Я одним прыжком перемахнул через стойку и ринулся к нему. Повиснув на его плечах, стараясь оторвать его от несчастной жертвы. И только выкинув того за дверь клуба и с грохотом закрыв ее, он остановился глубоко дыша. Его грудь ходила ходуном, а в глазах сверкало неприкрытое первобытное бешенство.

- Ты сошел с ума? - я угрожающе надвинулся на него. - Ты чуть не убил человека!

- Тварь! Он думает, что ему все можно! Можно схватить любую и вытворять все, что вздумается, раз у него есть деньги?!

- Шамиль? - я удивленно отпрянул. - Что происходит?

В клубе подобные типы встречаются часто и раньше ему хватало вскользь оброненного

предупреждения, а иногда и пристального взгляда. Сейчас же он словно сорвался с цепи.

Он ступившись под моим взглядом, насупившись уставился в пол, сохраняя молчание. Я, развернувшись, пошел к бару.

- Позже поговорим. - Времени выяснять истину у меня не было.

Остаток вечера прошел без происшествий. А когда я смотрел на заключительный танец Гайса, то моя кровь, закипая, заставила меня окончательно забыть про инцидент.

Закрыв дверь за последним посетителем, я открыл окна, впуская утренний свет и свежесть утра в клуб. Это удивительно, но клуб после насыщенной ночи кажется чуть уставшим и притихшим. В сером утреннем свете блестящие конфетти, кажутся серым перегоревшим пеплом ночного угара. А тишина плотнее и концентрированной. Она словно компенсирует вакханалию клубной музыки, сотрясающие стены еще несколько минут назад.

Я завариваю кофе, и тонкий изысканный аромат плывет в еще тяжелом воздухе клуба, прогоняя его проч.

Гайс, скрестив ноги, сидит на стойке бара, перебирая волосы присевшего рядом на стул Шамяля.

- Что случилось, радость моя? - голос Гайса чуть уставший. - Что на тебя нашло? - его пальцы разбирают косички, закрепленные на затылке Шамяля, заставляя расслабиться под нехитрой лаской напряженную шею и плечи.

- Не знаю. - Буркнул Шамяль, пряча свое лицо в ладонях, вновь застывая в напряженной позе.

- Нравится тебе она?

Я потрясенно вскидываю глаза на Гайса. Кто? Кому? Тысяча кусачих вопросов готовы сорваться с моих губ, но я молчу, повинуюсь предупреждающему жесту Нежнейшего, и перевожу взгляд на Шамяля. Тот нервно закусывает губы вскидывает на нас виноватый взгляд. Дыхание с шумом вырывается из его широкой груди.

- Я никогда не оставлю вас!

- Ашшшш. - Гайс продолжает успокаивающе поглаживать его по плечам. - Шамяль, это прекрасно. Львенок оставил часть своей огненной души с сероглазым, я потерял свою, когда Джамиль продал нас, теперь твоя затрепетала. Это прекрасно. Что у нас может быть ценного? Только душа. И если есть тот, кому ты готов дарить ее, это самое лучшее, что может случиться.

Я потрясенно во все глаза смотрел на Гайса. Джамиль? Я-то наивно полагал, что Гайс остался к нему равнодушным.

А он...

- Но почему, Гайс? - я шептал, боясь поверить в услышанное.

- Милый... Джамиль торговец живым товаром. Я его полюбил... но верить? Нет. Он продал меня. Не изменил себе. - губы Гайса горестно изогнулись в печальной улыбке.

Мое сердце болезненно сжалось. И эта острая, щемящая боль словно пробила плотину, удерживающую мои чувства. Вздвогнув, сжав в руках салфетку, выворачивая и выкручивая ее я пытался удержать лавину слез, комком вставшую в моем горле. Судорожно вдыхая воздух, я схватился за грудь, которую острым шилом пронзила боль, уколом прошив ее насквозь, ударившая под левую лопатку. Сжав в кулак онемевшие пальцы левой руки, я с недоверием уставился на Шамиля и Гайса. Гайс озадачено нахмутив брови смотрел на мое лицо.

-Львенок? - его голос звенел неприкрытым волнением. - Что с тобой?

Он, сжав мою руку, разминая и растирая пальцы, резко выкрикивал приказы Шамилю.

- Аптечку. Ищи сердечное. И воду. Быстрее!

- Пей, Львенок, пей! - он дрожащими руками вливал в меня приготовленное лекарство.

Я, выпив лекарство, тяжелой тушкой осел на пол. Шамиль, подхватив меня, перенес на один из диванов.

- Скорая? У нас сердечный приступ. Записывайте адрес! - словно сквозь туман до меня долетал голос Гайса.

А тело окутала невозможная легкость и слабость, и только острая колющая боль под лопаткой не давала мне закрыть глаза и растворится в потоке этой желанной легкости.

Холодные пальцы врача, осматривающие мое тело, и мятлый холодок таблетки под языком вселили в меня какое-то умиротворение. Улыбнувшись, я почувствовал как под лопаткой рассасывается боль.

Веки налились свинцовой тяжестью, и я провалился в удивительный сон. Парящий. Я словно летал в порывах воздуха. Парил и впитывал в себя живительную энергию ветра. Удивительное чувство счастья затопило все мое сознание. И я рассыпался серебряным смехом в открытом бесконечном пространстве. Потом я плавно словно пушинка опускался на протянутые к небу руки и они укачивали меня, наполняя душу трепетным чистым чувством единения. И я смотрел в серые глаза укачивающего меня, доверял ему себя безвозвратно и полностью. И это было правильным.

Я вынырнул из сна обновленным. Вытянувшись на кровати, почувствовал как рядом тревожно зашевелился Гайс, протянув руку, нащупал теплые пальцы Шамиля, дернул его привлекая внимания.

- Джарван! Хаби би... Как ты себя чувствуешь, золотой? - хриплый со сна голос Шамиля был наполнен волнением.

- Шамиль, - я повернулся к нему, чувствуя как со спины меня обнимает Гайс. - Не упусти. Послушай Гайса, он прав. А мы все равно всегда будем друг у друга.

Я огладил кончиками пальцев контур его лица и улыбнулся, почувствовав как под моими подушечкам вспыхивает румянцем его кожа.

===== 14 =====

С того памятного дня прошло несколько месяцев.

Мы с Гайсом сидели в еще закрытом клубе, ждали пока Шамиль придет обсудить новую идею. И он появился в дверях клуба, удерживая в своей ладони хрупкую ручку девушки. Мы с удовольствием смотрели на эту контрастную пару. Огромный чернокожий Шамиль и маленькая хрупкая блондинка. Но, глядя на них, стирались все противоречия, они сплелись в единый образ в пламени их любви. И отблески этого огня грели мою душу.

Девушка, легкой бабочкой порхнув к нам, одарила невесомой дружеской лаской меня и Гайса, заставляя нас растечься восторженными лужицами. Потом по-хозяйски зашебуршала возле кофеварки, выкладывая принесенные с собой восточные сладости и готовя кофе.

- Это приличная сумма. - Шамиль с сомнением выслушал Гайса.

- Неужели тебе не хочется? - Гайс удивленно поднял глаза на Шамиля.

- Очень хочется. Это же почти как секс, приручить огонь. - Шамиль мечтательно уставился на потолок. - Но!- нахмурившись еще раз, он окинул помещение клуба. - Придется менять все покрытия зала и уменьшить площадь танцпола. А мы только начали получать стабильную прибыль.

- Шамиль! - я нетерпеливо одернул его. - Твое огненное шоу привлечет к нам дополнительный доход и можно будет работать не только в клубе. Вам с Ниной деньги сейчас очень пригодятся.

Шамиль задумчиво посмотрел на тоненькую девушку, разливающую кофе для нашей троицы, и решил.

Я внимательно смотрел на Нину. Ее тоненькая фигурка стала более мягкой и округлой, и она, словно случайно, касаясь своего животика, беспричинно улыбалась мягкой улыбкой. Неужели?

Я взволновано коснулся руки Шамиля, не смея спросить. Не находя нужных слов. Жестом прижав ладонь к своему животу, я кивнул вопросительно на Нину. И по лицу Шамиля смущено скользнуло настоящее счастье, стыдливо спрятавшись в глубине его глаз. Гайс, восторженно задохнувшись, молча с неизмеримой нежностью смотрел на девушку. Это для нас было настоящим откровением. Настоящим чудом. Мы, бывшие наложники, раньше и помыслить не могли о том, что когда-нибудь у кого-то из нас может быть ребенок. И это событие стало той самой наградой, которую мы получили пожертвовав всем тем от чего отказались.

- Мы решили назвать ее Александра. - рука Шамиля отпустилась на мою, бережно сжав.

Я благодарно прижался к нему, пряча шальные, обезумевшие от счастья глаза.

Александра... еще одна моя не озвученная жертва. Я понимал, что не имею права рисковать своими друзьями и самой Александрой. Поэтому даже не пытался приблизиться к ней, означить свое присутствие рядом. Иногда урывками я наблюдал за своей названной матерью. Не приближаясь. И теперь Всевышний подарил мне утешение. Сашенька - маленький комочек счастья растущий в животе Нины.

Выпад - разворот - обманчивый выпад - бросок вперед - и смертельный укол. Хорошо. Довольная улыбка скользнула по моим губам, заметив одобрение в глазах сансея. Маленький японец засеменил ко мне и одобрительно похлопал по плечу.

- Прекрасно. Давно мое сердце не наслаждалось таким высоким искусством. Смертельный

танец. Пограничная черта между миром живых и мертвых. – Сэнсей красноречиво и щедро одарил меня похвалой, что случилось не часто.

Я бережно укладывал кинжалы в футляр, наслаждался заслуженным восхищением.

- Но я бы не хотел, чтобы о твоём мастерстве стало известно. - ошаршил он меня неожиданной просьбой.

-Почему?

-Видишь ли, мой мальчик, я давно живу, много где был и знаю многих людей. И вот совсем недавно я встретил своего хорошего приятеля, и он рассказал мне удивительную историю. Присядь, послушай. Он рассказал, что в сокровищнице у одного богатого человека было три непревзойденных украшения: одно - сотканный из благородной платины нежнейший цветок; другое - негранный прекрасный черный бриллиант. Но самое дорогое и близкое сердцу этого человека была пара кинжалов, пара острых трезубцев, говорят, они были сколь прекрасны, столь и опасны. И вот в один день кто-то выкрал эти сокровища. И теперь их ищут. Этот богатый человек очень умен. Он сказал, что вещи связаны между собой так крепко, что найти одно из них и другие сразу же вернуться в руки их хозяину.

Сердце затопило чувство первобытного страха.

- Аригато, сэнсей... - выдавил я из себя.

- Постой. – голос сэнсея заставил меня замереть на пороге. – Я не закончил. Я подумал, если этому человеку ближе всего были те кинжалы, может вернуть их? И тогда черный бриллиант может остаться в той оправе в которой ему сейчас лучше всего.

- Он не простит. - я обреченно покачал головой и вышел сопровождаемый тяжелым вздохом сэнсея.

Я протираю бокалы за стойкой бара, у меня небольшой перерыв, вызванный выступлением Шамиля. Он словно чародей рисует огнем свои волшебные истории под невыразимо прекрасную музыку. И зал в едином порыве восторга вздыхает, покоренный его талантом.

Я кошусь скорее по привычке на одного из посетителей. Ничем не приметный парень раз за разом приковывает мое внимание. Я словно чувствую потребность еще раз оглянуться на него.

Он похож на карандашный набросок, нарисованный широкими летящими штрихами: тонкий излом бровей, кошачий разрез глаз, красивая линия носа, жесткая линия рта и острый подбородок. И мне кажется, что не хватает пары завершающих штрихов, чтобы сделать это лицо либо прекрасным, либо абсолютно невзрачным. И эта незавершенность образа раздражает меня, заставляя вновь и вновь бросать незаметные взгляды на парня. И я вижу как его тонкие пальцы, словно живущие сами по себе, не зависимо от хозяина, вдруг легко пробегают по одежде сидящего с ним рядом мужчины, выуживая бумажник, который как по волшебству испаряется. И мне нужно возмутиться и прекратить это, но я заморожено смотрю на парня, который виртуозно за долю секунды, обкрадывает сидящих рядом людей.

Финальная точка в шоу Шамиля осыпает сцену огненным ливнем, отвлекая меня от вора. Но секунду спустя мой взгляд возвращается к парню. Но там пустота. Парень исчез, словно растворился. И я со вздохом сожаления, разливаю коктейль по высоким бокалам, подвигаю их

к обворованным клиентам.

-За счет заведения. - удивляю я их своей щедростью.

И с изумлением замечаю, что бумажник и часы, которые на моих глазах вытащил вор на месте. Чертовщина какая - то...

Заперев двери клуба за Гайсом и Шамилем, я еще раз обхожу убранный помещением, проверяю запасы бара, чтобы сделать заявку, варю себе ароматный кофе.

- И мне чашечку. - вдруг раздаётся за моей спиной.

Я, не оборачиваясь тянусь к кинжалам, которые лежат в отделе для салфеток, скорее для моего спокойствия, чем для защиты, и одновременно жму ногой на тревожную кнопку. Но их нет.

- Сигнализацию я отключил.

Я оборачиваюсь и смотрю на небрежно развалившегося парня, который с интересом рассматривает сай.

- Интересные штучки. Ты ими умеешь пользоваться?

- Чуть-чуть. Ты вернул бумажник и часы. Почему?

- Хотелось поразить тебя и сразу обрисовать то, чем я занимаюсь.

-Зачем? - с любопытством рассматриваю я парня.

Он скупым, но точно выверенным движением, перепрыгивает через стойку и вплотную приближается ко мне, протягивая кинжалы.

- Понравился.

Я подхватываю кинжалы и, прокрутив их, приставляю к шее парня. Тот, не разрывая взгляда, острым язычком облизывает губы. И я, не удержавшись, впиваюсь поцелуем в эти жесткие тонкие губы. Губы раскрываются, и он возвращает мне поцелуй. Сай с глухим стуком падают на пол, а мои руки жадно ощупывают тело парня. Тонкое, жесткое, вздрагивающее от моих грубых и жадных ласк. Мои пальцы лихорадочно ползут по кубикам пресса к груди больно прихватывают горошинки сосков и сдавливают их, то ли лаская, то ли наказывая. И горганный стон вырывается из горла парня, он прогибается и сильнее прижимается ко мне, бесстыдно трется возбужденным пахом о мой. Я разворачиваю его, выламывая руку в болевом захвате, припечатываю к стойке, лихорадочно сдирая с него штаны. Провожу по ложбинке между ягодицами открывая плотно сжатый сфинктер, потом расстегиваю ширинку, плевком смачивая головку собственного члена, и одним мощным движением вхожу сразу на всю длину. Парень подо мной стонет от боли и удовольствия.

-Даааа. - хрипло вырывается из его горла.

И я беру его жестко и на сухую. От острого болезненного удовольствия в моих глазах темнеет и, когда конвульсии оргазма сжимают мой член, я с рыком кончаю.

- Так угостишь меня кофе? - парень застегивает штаны и морщась сползает на пол. - Черт. Ноги не держат.

- Тебе с сахаром? - на автомате спрашиваю я.

- Нет. Как и тебе. Черный. И соль на кончике ножа.

Я протягиваю ему чашку. Он отпивая морщится:

- Фу как ты пьешь эту гадость?

- Зачем просил? - иронично выгибаю бровь.

- Мне интересно все, что ты любишь.

- Почему?

- Любовь - это такая зараза. Что будешь пить гребаный кофе, хотя не любил его никогда.

- Не понял? - сказать, что я ошарашен, это значительно преуменьшить спектр моих эмоций.

- Что тут не понятного. Я тебя люблю. Или ты думаешь, я каждому встречному позволяю порвать себя даже не поздоровавшись? - ухмыляется в ответ парень.

- Любишь? - иронично хмыкаю я в ответ. - С каких пор?

- Примерно пару месяцев. Думал перегорит. А не фига. Тянет к тебе, как металлические опилки к магниту. Достало драть на твой светлый образ. Поэтому я решил быть в твоей жизни.

- А если я против?

- Ну, кто бы сомневался, только не я. Конечно против. С твоим-то злобучим характером. Я о тебе многое знаю. Фанат я твой, бля...

- И что будешь делать?

- Ухаживать, млеть, тосковать. Но не отстану. Я же тоже не подарок, если решил, то все пиздец! Либо пристрелить, либо смириться. Кстати, позволь представиться Игорь Федорович Стравинский. Не композитор, хоть и полный тезка, спасибо маме, но тоже своего рода виртуоз. А как тебя называть? Таир или Джарван? Зацени как со мной удобно, не надо делать экскурс в свою прошлую жизнь. Я все сам узнал.

- Охренеть. - это максимум, что я смог выдать из себя.

- Согласен.- Парень одним глотком допил свой кофе поморщился поднимаясь. - Ты привыкай к мысли, а я пойду. На днях вернусь. - и он, побряхывая пошел к выходу. - Кстати. - раздалось от туда, - Грамотная система защиты, прям респект Шамилю. Красота. Не будь я так гениален прокололся бы моментально.

Но через два дня Виртуоз не появился. Через три тоже. Я хмурился и недовольно метался за барной стойкой. Где носят черти этого гребаного тезку великого композитора? Попользовался и испарился. Трепло. Хотя это я им скорее попользовался. Но не суть. Его не было и меня это бесило невероятно.

- Здравствуй, любовь моя, а сделай-ка мне своего реактивного кофе.

Я аж подпрыгнул на месте от его голоса.

Хмуро грохнув перед ним чашку, расплескав половину на столешницу, метнулся к другому концу стойки, обслуживая клиентов и намеренно игнорируя его. Искоса бросая полные негодования взгляды на Виртуоза. Он сидел, виновато повесив голову и размазывая пролитый кофе. Я, вернувшись к нему, забрал чашку с остывшим напитком и вытер размазанный в сюрреалистическом пейзаже кофе.

- Может чаю? - пробурчал я.

- И сливки с сахаром туда можно? - сделал «щенячьи» глазки он.

- Кое- что слипнется.

- Пусть слипнется, лишь бы тебе понравилось.

- Пей свой чай и проваливай. - в сердцах грохнул я чашку с чаем перед ним, снова разливая половину на стойку. - Тьфу ты! - вытирал я чайную лужицу.

Он толкнул мне маленькую коробочку через столешницу. Я поймал ее, предотвращая падение.

- Подарок. - буркнул он и стек с барного стула, растворился среди толпы на танцполе.

Я зашвырнул коробочку в отдел для салфеток.

Протирая последние бокалы и вывешивая их на держатели над стойкой, я слушал в пол уха Гайса и Шамиля, те выстраивали новую концепцию совместного номера. Выступать трио я наотрез отказался, памятуя о предупреждении сэнсея. Вот они и выкручивались, пытаюсь возродить эффект той сказки, которую когда-то мы втроем воплощали в танце.

Мой взгляд неизменно возвращался к коробочке. Любопытство наконец - то победило. И я открыл ее, вытряхивая оттуда золотую паутинку, разложив ее на стойке замер, наслаждаясь ювелирным мастерством мастера, сделавшего подобное чудо.

- Это что? - Гайс заинтересовано уставился на тончайшее плетение.

- Подарок. - почему-то засмутился я.

- Подарок?- две пары удивленных глаз синхронно уставились на меня.

- Уффф. - выдохнул я и рассказал им про Виртуоза.

- Львенок, тебя избавить от него? - растерянно почесывал макушку Шамиль.

-Нет. - буркнул я в ответ, заливаясь чертовым румянцем. - Сам разберись.

-Пффф... Возьми хотя бы сливочное масло на разборки. - хохотнул Гайс.

Я покраснел еще гуще под насмешливыми взглядами друзей.

- Кстати. - Гайс кинул передо мной кипу листов.- Я тут на досуге подумал, а что, если нам организовать обучение белиденсу? Это бизнес план. Я все просчитал.

- О! Нееет. - синхронно простонали мы с Шамилем.

- Да вы только посмотрите!

И Гайс с энтузиазмом принялся промывать нам мозг, выливая кучу информации и рисуя радужные перспективы нового дела. Я с удивлением созерцал раскрасневшегося Гайса. Этот прекрасный гаремный цветок, оказался хватким дельцом, способным выжать выгоду из любого дела. Остается только сдаться под напором охваченного новой идеей Гайса.

===== 15 =====

- Ай !- взвизгнул я от удара тонкой розгой по рукам.

- Любовь моя. - Игорь поднес к своим губам мои руки, дую на вздувшуюся полосу от удара. - Что ты меня лапаешь, как прыщавый юнец свою первую девушку. Твои пальцы должны быть легче, чем тополиный пух. И не надо шарить по всей моей попе, а то это похоже на домогательство, а не на кражу. Еще раз. Запомни! Прежде, чем протянуть руку ты должен знать за чем ты ее протянул. Ты должен слиться с движениями жертвы, стать ее полным синхронном. Чтобы твои движения не резонировали и не отвлекали. И потом одним плавным движением, самыми кончиками пальцев, ты извлекаешь приглянувшуюся тебе вещичку. И потом немедленно, так же незаметно, раствориться. Задерживаться на одном месте - величайшая глупость. Пробуем еще разок, а потом в кроватку. Ты меня своим лапаньем натолкнул на совсем другие мысли. - пошло усмехнулся он.

И я вместо того, чтобы следовать инструкциям Игоря, жестко сжимаю его твердые поджарые ягодички, с шумом вдыхая воздух.

- Отложим урок. - шепчу я ему в затылок, подталкивая к кровати.

- Когда придет Гайс? - срывая с себя одежду, шепчет Игорь.

- Зачем он тебе? Смотри я могу и приревновать, и наказать.

-Накажиии... - хрипло стонет Игорь, падая на колени, прижимаясь грудью к кровати бесстыдно, раскрываясь передо мной.

И моя ладонь шлепает его по ягодичкам, расцветивая их пошлым румянцем. Парень, вздрагивая, хрипло стонет от каждого удара.

- Не могууу больше, возьми меня. - вырывается из него, и он еще сильнее прогибается в пояснице, пятась ко мне.

Я сам уже на грани, почти болезненная эрекция заставляет подрагивать мой член, и я размазываю по головке обильно выделившуюся смазку, жестко беру Игоря.

- Аххха. - вырывается довольный стон из его горла, и он, выгибаясь волной, сам подается назад, насаживаясь на мой член.

Я переворачиваю его на спину, подтягивая к краю кровати и перехватывая ноги под коленями прижимаю их к груди, максимально раскрывая своего Виртуоза для себя. Жестко и глубоко

вколачиваюсь в стонущего от удовольствия Игоря. Еще секунда и мое тело прошивает острое удовольствие. Краем сознания я отмечаю белые дорожки спермы, выплеснувшиеся на грудь моего любовника, и обрушиваюсь на него. Он, обнимая меня руками и ногами, анусом ритмично сжимает мой член, даря вдогонку оргазма затихающие волны удовольствия.

- Так когда Гайс вернется? - приходя в себя после любви, интересуется Игорь. - Мне тут одна птичка в клювике новость принесла. Собираются почистить вашего Нежнейшего на не хилую сумму.

- Кто? - я целовываю капельки пота, выступившие на висках моего персонального вора.

- Лучше спроси как.

- Спасибо, Игорь.

-Пфф...не за что. Не люблю, когда деньги из семьи уходят. - усмехается Виртуоз.

- Я люблю тебя. - шепчу я, утыкаясь в его шею.

- Наконец-то.

- ...Это все? А как же в ответ «я тебя тоже»?!

- Любовь моя, я два месяца пялился на тебя, изучая каждый твой вздох. Потом еще месяц водил вокруг тебя хорюды, пока ты отбрыкивался. И на сегодняшний день мы уже два месяца как вместе. Логично предположить, что «я тебя тоже» это жалкий аналог моих чувств к тебе?

Я был счастлив. Почти. У меня было все. Любимый человек, Гайс и Шамиль, малышка Саша.

Клуб и хореографическая студия приносили стабильный доход. Вот только это почти... мучило меня, не давая покоя. Когда Игорь брал новый заказ, его глаза зажигались огоньком предвкушения, и я с завистью смотрел как он, прорабатывая детали операции, готовится к делу. Адреналиновый голод не давал мне покоя, изводя тоской, пока он отсутствовал и наполнял, жгучим чувством нереализованного желания, когда он возвращался.

Вот и сегодня он вернулся домой взбудоражено - довольный, суетливо передвигался по комнате, наполняя пространство вокруг себя радостным предвкушением. А я все больше хмурился, жадно желая разделить с ним это состояние.

- Любовь моя, что же ты не весел, голову повесил? - ласкался ко мне Игорь.

- Возьми меня в дело? - выдохнул я и замер в ожидании.

- Нет!

- Ты даже не подумал! - обвиняюще ткнул я в него пальцем. - Ни секунды! Ты сам говорил, что найти напарника, которому можно доверять сложно. Ты мне доверяешь?

- Но... любовь моя, это не игрушки... Не поход в парк аттракционов. Ты понимаешь, что каждый раз - это риск. И, если ты не вытянешь счастливый билет, то, в лучшем случае, распрощаешься со свободой. Я не могу так рисковать тобой.

- Игорь! Ты научил меня всему, что умеешь сам. Вот возьми. - протянул я ему его часы. - И не надо мне рассказывать, что значит лишиться свободы. Я это отлично знаю. И тем не менее я здесь.

- А молодец! - восхитился Игорь. - Но это уже не фокусы, любовь моя. Речь пойдет не о бумажниках и часах.

- Прошу тебя...- я приблизившись к нему, притянул его к себе обнимая. - Я по-настоящему хочу стать частью твоей жизни.

- Нет! - взгляд Игоря наполнился холодком стали. - Никогда! Пока я жив, слышишь! - угроза, прозвучавшая в его дрожащем от бешенства голосе, нехорошо полоснула меня по сердцу. Первая обида.

Счастье - дама обидчивая и ветреная. Стоит только привыкнуть к ощущению, что она рядом, как та теряет к тебе свое расположение.

Я протирал стойку бара, наблюдая за подсевшим к Игорю заказчиком. Неприятный липкий холодок страха пополз по моему позвоночнику. Предчувствие.

Заказчик был высоким холодноватым блондином с правильными чертами лица, но образ благородного дона сильно портили его беспокойно-вороватые взгляды, шныряющие по залу и нервно постукивающие по столешнице пальцы. Я поморщился ощущение такое, когда, надкусив красивое спелое яблоко, вдруг понимаешь, что все его нутро уже изъедено.

После того как он ушел Игорь подсел к бару.

- Он мне не нравится. - бросил я ему, перекрикивая музыку.

- Нам детей вместе не крестить. - пожал в ответ плечами Игорь.

- Откажись.

- Нет. - взгляд Игоря наполнился холодным упрямством. - Я это сделаю. Старые долги.

Мы никогда, по молчаливому уговору, не ворошили прошлое друг друга. И я, проглотив почти сорвавшийся вопрос, хмуро отвернулся.

===== 16 =====

Я проснулся от настойчиво буравившего мой мозг звонка. Какого черта! Пять утра!

- Да! - скинуть неурочный звонок не позволило мне беспокойство, которое скреблось где-то на задворках моего еще сонного сознания.

- Спишь, любовь моя? - голос Игоря был хриплый.

Я подскочил на кровати. Что-то не так.

- Уже нет. Игорь, где ты? Когда вернешься?

- Любовь моя, я хочу, чтобы ты знал, я тебя люблю.

Мне вдруг захотелось тоненько заскулить, я вцепился в одеяло, словно пытаюсь удержать что-то иное, прошептал в трубку:

-Игорь...

Но ответом мне были только гудки.

Беда.

Игорь не вернулся. Надо бы пересмотреть все его вещи, перепроверить все звонки и все счета, отыскать хоть малейший намек на то, за что он взялся в последний раз. Но это значит признать то, что его больше нет? И я отодвигал это в глупой надежде, что вот сейчас он появится с виноватой улыбкой и потребует не любимый кофе.

А время шло. Время без него. Оно словно живое, набирая с каждым прошедшим днем массу, давило на меня неизбежностью, продавливая мою сотканную из иллюзий защиту. И я, не сдаваясь, начал лихорадочно искать его. Перерыл все вещи, отследил последние звонки и переговоры, перепроверил все, даже самые пустяковые счета...

Ничего.

Он был настоящим профессионалом, и сейчас это играло против нас.

Ну же! Хоть один намек. И я в сотый раз перебирал его нехитрые пожитки, находясь на грани отчаяния. Пусто.

По ночам я сворачивался клубком вокруг его подушки и восстанавливал в своей памяти посекундно тот день, когда увидел его в баре с тем высоким блондином. Старые долги.

И я отчаянно ненавидел себя за молчаливое согласие не ворошить прошлое. Ненавидел за то, что не смог удержать его, проглотив свое дрянное предчувствие... А днем я искал того человека. Гайс и Шамиль помогали мне, но он, словно взявшись из ниоткуда, исчез в никуда. И отчаяние незаметно прокрадываясь в мою жизнь, высасывало из нее краски, отравляя ее затхлым привкусом равнодушия. Оно все глубже втягивало меня в свое болотце. И я, как за поплавок, хватался за вещи Игоря, одевая так любимые им водолазки, пересматривал каждую свободную минуту короткие ролики, хранившиеся на моем телефоне, где я дурачась снимал нас вместе. Я жадно перебирал крохи нашего счастья, с болью понимая, как этого мало.

Под утро на танцполе никого не осталось, и только сизый дымок клубился в свете прожекторов. Народ разбрелся за столики, куда все чаще заказывали не алкоголь, а кофе и кальян. Возле барной стойки осталось всего пара человек, которые собирались уходить. Поэтому возникший в дверях человек моментально привлек мое внимание. Я вздрогнул и моментально перелетел через стойку бара прихватив сай. Клещом впиваясь в его предплечье, я потянул его в сторону служебных помещений.

- На ловца и зверь бежит. - криво ухмыльнулся блондин.

- Где Игорь? - приставив кончик кинжала к его животу, прошипел я ему в лицо.

- Там, где я его уже достать не смогу. - огрызнулся блондин.

Внутри меня что-то надломилось, выпуская обезумевшее горе. Я посмотрел на это спокойно-надменное лицо, и волна черной удушающей злости захлестнула мою душу. Тварь! И я, откинув кинжалы, боясь осквернить их о грязную кровь этой твари, вцепился в его горло, не замечая града ударов, которыми осыпал меня блондин. Где-то на задворках сознания я понимал, что физически сильно уступаю ему и, что кинжалы бы уравнили наши шансы, но мне было жизненно необходимо почувствовать под своими пальцами, как он хрипит, задыхаясь по капле выпускает свою жизнь.

Еще мгновение и я уже чувствовал как его тело судорожно выгнулось в попытке сбросить меня, но кто-то яростно оттащивал меня от моей жертвы, а я, изворачиваясь, выл, желая впиться в горло ускользающей добычи. Но меня не выпускали, сильнее пережимая грудь, пока я сам не начал задышаться. И только после того, как перед моими глазами заплясали черные мушки, и я жалобно захрипел, меня, встряхнув, прижали к себе укачивая. Шамиль.

Уткнувшись в мою макушку, заслонив собой весь дверной проход. Он укачивал меня, как маленького ребенка, нашептывая что-то на своем родном языке. И это мерное гудение погружало меня в какой-то транс, оставляя дрейфовать на грани между сознанием и сном. Я словно обколотый наблюдал как в комнату проскользнул Гайс и, возвышаясь над сидевшем на полу блондином, о чем-то разговаривал с ним, пытаясь убедить. Звуки не прорывались в мое сознание, и я с отстраненным любопытством смотрел на жестикуляцию Нежнейшего и на отрицательно покачивавшего головой блондина. Я, обернувшись посмотрел на Шамиля. Хотелось попросить его встряхнуть меня, но мои глаза закрылись и я окончательно скользнул в темноту.

Нашатырь резко обжег мой нос набатным колоколом, отозвавшись в затылке, и я, резко вдохнув, сел. Надо мной склонились с озабоченными лицами Шамиль и Гайс. Синхронно выдохнув, они отпрянули, давая мне больше кислорода. Я обвел комнату недоуменным взглядом и тут же наткнулся на блондина. Он сидел, с равнодушным видом изучая свои ногти, как-будто каждый день его держали в подсобках клубов, прикованным наручниками к батарее. Я встал, потянувшись в его сторону, Гайс попытался удержать меня, Шамиль же поддержать, потому что тело пока не очень слушалось.

- Я в норме. Я просто поговорить. - обратился я к Гайсу и он отпустил.

Тяжело опираясь на руку Шамиля, я подошел к блондину.

- Кто ты такой?

Блондин, презрительно хмыкнув, демонстративно отвернулся.

- Отвечай! - начал закипать я, чувствуя как кровавая пелена ненависти снова окутывает мое сознание.

- Отвечай! Не надо нервировать, Таира, - пальцы Гайса с впивались в мое плечо, помогая не потерять остатки благоразумия.

- А то что? - отреагировал наконец-то блондин.

Гайс нехорошо улыбнулся:

- У меня была хорошая школа по укрощению любой воли. - обманчиво ласковый голос Гайса

никак не вязался с его холодным взглядом.

- Нисколько не сомневаюсь... Нежнейший. - ответил блондин, повергая нас в невольный ступор.

Откуда он знает? Тысяча вопросов и предположений бешеным вихрем закрутились в моей голове.

- У меня к вам деловое предложение, но сначала отстегните эти чертовы наручники и дайте сигарету.

- Мы работали вместе. Я находил клиентов и информацию. Игорь делал все остальное. - блондин жадно курил, растирая шею с опечатками моих пальцев. - Я конечно знал, что ты импульсивный. - кивнул он мне. - Как-никак это я нарыл для Игоря информацию про вас всех. Но не думал, что смертельно. - нашел он в себе силы пошутить. - Так вот несколько последних заказов было с весьма колоритным восточным оттенком. И я предложил подключить тебя, Таир. Но Игорь был против сказал, что справится сам. Не справился. Но суть не в этом. Дело надо закончить.

- Кому надо? - прервал его исповедь Шамиль.

- Мне. На карте моя репутация и деньги.

Я ехидно хмыкнул. Блондин повернулся ко мне:

- Так вот, Таир, я знаю, что Virtuoz натаскал тебя, и ты в силу своего прошлого превосходно владеешь языком и понимаешь, что к чему. Я пришел сюда заключить сделку. Ты заканчиваешь это дело, а я забываю о том, кто вы и откуда.

- А то что? - вернул ему Гайс.

- Я не знаю, что будет с вами. Но Таир, он же Джарван, заинтересует как минимум нескольких людей. Хамдан, Амир, Малик... Думаю этих троих будет достаточно?

- Где гарантии того, что ты не воспользуешься этой информацией после? - спросил я, подумав о том, что когда-то я, используя шантаж вернулся сюда, так и теперь, пользуясь тем же оружием, меня отправляют назад.

- Моего честного и благородного, я думаю, вам не хватит?

- Правильно думаешь. - согласился с блондином Гайс.

- В качестве гаранта у вас будет информация. Шамиль, Virtuoz говорил, что ты редкий талант в системе охраны и наблюдения?

Шамиль неопределенно пожал плечами.

- Так вот, я не сомневаюсь, что происходящее здесь зафиксировано на камеру слежения и уже обработано и заархивировано?

Шамиль еще раз неопределенно пожал плечами.

- Значит, у вас на руках мое чистосердечное признание. Что очень интересует некоторые

структуры. Да и еще небольшой бонус. Деньги. Ты, Таир, получишь долю Виртуоза. Ответ мне нужен не позднее, чем завтра к вечеру. И вот еще. - он, кряхтя и морщась из-за разбитых костяшек, залез в карман и достал небольшой брелок в форме дельфина с ключом. - База Виртуоза.

После его ухода я направился к бару. Меня подменила одна из официанток, которая теперь с любопытством уставилась на мое разбитое лицо. Я, стащив с полки водку, буркнул ей.

- Закрывайте клуб.

И вернулся к Гайсу и Шамилю.

- Вариантов избежать навязанное сотрудничество у нас нет. - я, не морщась, опрокинул в себя первую стопку.

- Да и слить его органам, тоже не вариант. Сами засветимся. - согласился со мной Шамиль.

- Обращаться к криминальным структурам тоже нет смысла. - кивнув, согласился Гайс.

- У нас есть такая традиция. - сказал я, разливая водку по стопкам. - Помянуть того, кто умер и был при жизни дорог. Молча. Не чокаясь. - поднял я и опрокинул в себя стопку.

Гайс и Шамиль последовали моему примеру. Я, посидев еще пару минут с ними, нащупал дельфинчика и вытащил ключи из кармана.

-Поеду. - показал я им ключи.

Однокомнатная квартира на окраине города, почти в промышленной зоне.

Третий этаж, окна выходят на крыши гаражей. В доме чердак и подвал. Автоматически отмечал я для себя пути отхода, наученный этому Игорем. Неприметная металлическая дверь на самом деле оказалась превосходным запирающим механизмом, который фактически невозможно вскрыть. Переступив порог квартиры и захлопнув за собой дверь, я застыл жадно, вдыхая застоявшийся воздух.

Тут он был в последний раз. Тут еще хранится капля его вдоха и выдоха. Я, стараясь не нарушить тишину квартиры, прошел в единственную комнату. Как всегда безупречно чисто, все с педантичной точностью на своих местах ни одного клочка бумаги. Я присел на кровать, оглядываясь кругом пытаюсь в этом безликом порядке найти следы Игоря и не находил их. Горечь и радость одновременно терзали мое сердце: горечь от того, что я надеялся обрести еще крупницу Игоря, присоединив ее к своим воспоминаниям и радость от того, что все его «человеческое и живое» было рядом со мной в нашей квартире, а тут была только работа и ничего более.

Вздохнув, я стал медленно обследовать комнату. Открыв шкаф, я поразился арсеналу оборудования. На то, чтобы осмотреть всю квартиру у меня ушло несколько часов, стараясь не нарушать установленный Игорем порядок, я пересматривал доставшееся мне «наследство». От простых фомок до микроскопических камер. Обойдя напоследок квартиру еще раз, я отправился в клуб.

Надо было встретиться с блондином. Я не сомневаюсь, что он знает ответ на свое предложение, осталось обсудить некоторые условия.

===== 17 =====

Времени на подготовку у нас почти не было. По этой бешеной спешке я понимал, что Ферзь находился в отчаянном положении, раз решился пойти на прямой контакт и шантаж. И я понимал, что вероятность закончить свои дни точно так же как Игорь равна для меня примерно 90 процентам. Но призрачный шанс узнать, что с ним случилось и найти того, кто это сделал, не дал возникнуть даже секундному сомнению.

Поэтому я любовно огладил свои кинжалы, прощаясь с ними. Они полетят отдельно с дипломатической почтой.

Связи блондина, носящего шахматное прозвище, поистине поражали. Я же, стоя на высоких каблуках, с иронией и долей фатализма вспоминал, как покидал эту страну. А теперь возвращаюсь в женском наряде. Все возвращается на круги своя?

Сняв номер в отеле, я тут же отправился в посольство. Отужинав с милейшим атташе, я получил от него желаемую посылку.

Ощувив тяжесть метала в руках, моя душа наполнилась твердой уверенностью в том, что я на верном пути.

Глядя на невообразимо яркий и прекрасный закат я вздрогнул.

Прошлое словно вражеский лазутчик, проникнув в мою душу устроило диверсию, наполнив ее горечью с терпким привкусом тоски. Я с удивлением прислушивался к себе... Столько времени я не вспоминал о Хамдане, считая, что похоронил свои чувства в прошлом. Но бархатная восточная ночь, впрыснув в мою кровь дозу истомы, заставила мое тело зазвенеть знакомой страстью. Обняв залихорадившее тело за плечи, я вернулся в номер. Скрутившись калачиком на постели, старался изгнать это чувство. Но оно, пустив во мне свои дьявольские ростки, опутывало его все теснее и теснее пока я, не сдавшись, почти перестав дышать, не подошел к музыкальному центру.

Выбрав медленную и чувственную композицию, я скинул надоевшую одежду, повязав на бедра тончайший шелковый платок, и завибрировал в танце. Мои ноги скользили по пушистому ворсу ковра, а руки ласкали нежнейший шелк, опутавший бедра, даря мне тонкое эротическое удовольствие. Раздраженное легкими прикосновениями тело горело, требуя ласки, а я танцевал снедаемый любовной лихорадкой, выплескивая в танец концентрированное желание. И чем больше я его отдавал, тем больше мое тело требовало взамен. Доведенный до иступления, я рухнул на кровать и под последние затихающие аккорды музыки, развел ноги отчетливо понимая, что впервые за долгое время желаю быть ведомым.

Утром я проснулся с ощущением этой не проходящей истомы. Загнав его по глубже, я еще раз мысленно пробежался по всем пунктам плана.

Сейчас первоочередной задачей для меня было попасть в намеченный дом. Судя по информации Ферзя, скоро там пройдет праздник, значит, можно будет проникнуть в дом, переодевшись танцовщиком. Не думаю, что в суете подготовки к празднику охрана будет проверять всех поименно. Но как остаться там? Затеряться среди прислуги не получится.

Попытаться в течении праздника укрыться на женской половине? Но ее скорее всего будут усиленно охранять. Но если понаблюдать немного за домом и скопировать предпочтения и походку одной из женщин это может сработать.

Достав из потайного дна футляра для сай несколько миниатюрных камер, я отправился в нужное место. Еще до отлета я тщательно изучил план дома. Расположив их на безопасном расстоянии, я направил их на подъезд, которым пользовались женщины. Проверив как они работают и удовлетворившись полученной картинкой, я отправился осуществлять вторую половину плана. Для этого мне нужно было попасть на базар.

Перебирая тончайшие ткани с богатым переливом и чудесной вышивкой, я с удовольствием вдыхал их почти незаметный аромат и представлял, что нужно для того, что бы не выделиться из группы танцовщиков и в то же время не потеряться между ними. Как наиболее выгодно оттенить цвет своей кожи и под какой тканью скрыть свои волосы. Выбрав алый шелк и несколько коричневых платков с алыми кистями, я отправился в ювелирный отдел.

С непривычки от блеска и многообразия украшений я растерялся и знакомое чувство восторга пробудилось в моей душе. Я бродил между витринами, любовно оглаживая изящную вязь ожерелий, любуясь на блеск драгоценных камней и наслаждаясь поистине неоспоримым мастерством здешних ювелиров. Наконец я нашел то, что мне нужно. Тонкие позолоченные диски, скрепленные между собой, слегка колыхались на короткое мгновение открывая лицо при движении и тут же скрывали его, давая на секунду насладиться запретным зрелищем. Тяжелое кольцо из похожих дисков, тонкие браслеты на запястье и двойные браслеты для ног.

Вернувшись в номер, я отдал свое тело в распоряжение косметолога и массажистки. Женщины обсуждали мою персону, думая что бледный иностранец не понимает ни слова. Они шуточно прикидывали, что если привести в порядок мои локти и колени, научить альковным искусствам, то я вполне бы сошел за юношу-наложника. А я мысленно поставил галочки над этими пунктами. У меня еще достаточно времени, чтобы навести внешний лоск и вспомнить почти забытые навыки.

После того, как женщины привели меня в порядок и покинули мой номер, я вновь замер перед зеркалом, придирчиво разглядывая свое отражение. Первый раз я задумался о том, как изменился за это время.

Я вдруг заметил, что исчезла та хрупкость, которая так тревожила сердце Хамдана. Теперь из зеркала на меня смотрел совсем не мальчик, а молодой мужчина: худощавый, но с четко очерченной мускулатурой; с красивым разворотом плеч и узкими бедрами. Мда... не сыграет ли это против меня?

Я включил музыку и замер перед зеркалом, впитывая ее ритм, открывая ей душу. Качнувшись, я стал вплетать в нее неторопливые движения. Отметая изящные движения органичные для хрупкого мальчика и оставляя сильные немного резкие, но наполненные хищной грацией движения мужчины, осознающего свою привлекательность, не искушающие, а предлагающие любовь. С каждой минутой танец становился органичнее, движения увереннее, и я искренне наслаждался им. Танец на востоке - это не просто элементы, шаги, связки и повороты, это не просто передача музыки в движении, это личное переживание, личные эмоции, вызванные в танцоре этой музыкой и чем глубже понимание, чем богаче фантазия танцующего, тем выше мастерство танца.

На следующий день я наведалься по знакомому маршруту, снимая камеры. Потом я, тщательно просмотрев полученный материал, стал продумывать и примерять образы. Выбрав более-менее подходящий, я вновь посетил базар, выбирая ткань и заказывая себе аналогичный наряд и украшения. Потратив остаток дня отработывая походку и жесты перед зеркалом, доводя их до автоматизма.

Следующим пунктом в нашем плане был один из лучших клубов, с хорошим личным составом. Один из тех, что будет работать на празднике. В том, что меня примут я не сомневался. Экзотика. И я не ошибся в первый же вечер меня выпустили с коротким соло на пробу.

Я, затаив дыхание ступил на сцену, замерев под софитами. Ощущение дежавю острой иголкой кольнуло мое сердце. Я обернулся, невольно поискав глазами Гайса и Шамиля... Но я был один. И это заставило меня почувствовать себя неуютно, но, тронув пальцами рукоятки кинжалов, скрытых в складках одежды, я словно зарядился толикой безумного куража.

После танца, собирая вещи и привычно закрывая концом платка лицо, я выслушивал менеджера. Он, мешая комплименты, пересыпая их критикой, выторговывал выгодные для себя условия. А я, слушая его расцвеченную и пышную речь, искренне наслаждался. Мысленно я уже согласился на его условия, они вполне соответствовали моему плану, но для проформы поторговался.

Главный пункт в нашем устном пока договоре заключался в том, что я попадаю в группу, выступающую в нужном мне месте. Вот и хорошо с первого раза и в яблочко.

- А с кем я могу обговорить условия контракта более детально?

Я неторопливо обернулся к менеджеру понимая, что совсем иная информация волнует его сейчас.

-Если меня устроят условия. - выделил я голосом слово «меня». - То он непременно свяжется с вами. Мое почтение. - и я, не оборачиваясь, покинул клуб, спиной чувствуя как меня буравит разочарованный взгляд менеджера. Мысль о том, что у меня нет покровителя никогда не пришла бы в его голову. Слишком уж это было не реально. Его заботил вопрос кто являлся моим покровителем и стоит ли считаться с этой величиной...

Потекли неторопливые восточные дни. И я потихоньку вливался в эту жизнь, начиная жить в этом тягучем неспешном ритме.

С каждым прожитым днем я под умелыми руками массажистки и косметолога, словно змей сменивший кожу, становился все больше похожим на чью-то усладу, никогда не знавшую другого труда, кроме как дарить наслаждение. Мои движения становились все более отточенными, а рисунок танца богаче и интенсивнее. Я наведывался к знакомому дому за новыми порциями видеосъемки и, изучив полученный материал, оттачивал мастерство перевоплощения перед зеркалом. И все чаще я ловил на себе заинтересованный взгляд клубного менеджера.

Наконец наступил тот самый день, ввергший нас в пучину предпраздничного хаоса. Я сидел

перед зеркалом полностью одетый. Мое тело в отличии от тел других танцоров не было намазано маслом или блеском. Чуть припудрив его ароматизированным тальком, я наносил последние штрихи : ярко покрашенные глаза, капельку цвета на скулы и легким мазок на центр нижней губы. Окинув еще раз себя критичным взглядом, я закрепил на красиво уложенный тюрбан, импровизированную вуаль из позолоченных дисков. Вставил подвески в соски и в пупок, надел браслеты и замер, разглядывая свое отражение. Почти гротескная красота профессионального танцора. Я криво усмехнулся.

В этом мире нет места изысканной утонченной красоте. Моя роль - вызвать похоть, а не подлинную страсть; пробудить животные инстинкты, а не душевные порывы. Как неизмеримая пропасть, лежащая между мной сегодняшним и мной тем, которого обучал евнух Хамдана. Я сегодня, словно все свои украшения, фальшивый... Захотелось стянуть эти балаганные тряпки и смыть грим. Но я лишь коснулся кончиками пальцев рукояток своих кинжалов, черпая необходимую мне уверенность и закрыв глаза прошептал - «Игорь...»

Я с раздражением выламывал пальцы. Черт! Мне не дали даже малейшей возможности осмотреть дом. Нас словно стадо баранов заперли в тесной комнатке и, окружив охраной, провожали для выступления.

- Нервничаешь? - неверно истолковал мои переживания менеджер. - Ты никогда не выступал раньше? Откуда ты взялся? Я слышал только об одном рыжеволосом наложнике...

Я бросил быстрый взгляд на него. Плохо дело, если он слышал о Джарване. Страх быть узнанным и желание выведать, что же он знает обо мне боролись в моей душе. Но охранник, явившийся сопровождать меня прервал наш разговор.

Я застыл перед двойной дверью, ожидая начала своей мелодии. Двери мягко распахнулись и зазвучала музыка. Я сделал первый шаг в зал. Мягкий свет погружал зал в полумрак, оставляя ярко освещенной только импровизируемую сцену - мягкий белый ковер в центре зала. Глубоко вдохнув, я раскрылся мелодии, подчинив ей свое тело. Остро чувствуя нарастающий градус страсти в музыке, я сам загорался, как сухой порох, а ткань, метавшаяся в ритме танца, словно умелый любовник, оглаживала мои бедра и икры то открывая их перед жадным взором зрителей, то целомудренно пряча. В этой импровизированной борьбе со своей собственной страстью я рухнул на ковер, словно уступая ей и алые волны шелка, разметавшись по ковра, подчеркивая белизну моей кожи, обрамляли застывшее в позе подчинения тело.

По залу прошел судорожный вдох. И я, очнувшись, медленно поднялся с ковра, как сомнамбула пошел в сторону двери, пытаюсь унять взволнованное танцем тело. Кожей ощущая долгие горячие взгляды оглаживающие мою фигуру. Не успела дверь закрыться за моей спиной, как ко мне подошел полный безбородый евнух. Цепким взглядом ощупывая мое тело, он отвел золотые диски с лица удовлетворенно кивнув произнес:

- Ты покоришь своим огненным танцем хозяина. Столько острой страсти. Не хочешь ли отдохнуть в прохладной купальне?

- Мне достаточно и ночной свежести на террасе. - ответил я.

Евнух понимающе цокнул. Это возможно только тут, на востоке, в двух словах и получить предложение, и поторговаться, не произнеся вслух ничего компрометирующего.

Я ехидно хмыкнул. Купальни. Я не дешевая шлюшка, которая будет отдаваться в купальне

первому встречному. Я желал обсудить условия сделки на террасе и лично с хозяином. Давал понять, что могу и отказаться. И евнух послушно проводил меня на террасу.

Я замер у высокого парапета, подставив ветру свое разгоряченное тело. Порывистый ветер погасил почти все светильники, погрузив большую часть террасы в мрак. И я, пользуясь предоставленным мне шансом, разглядывал открытую галерею, ведущую в женскую половину дома. Еще раз убеждаясь в невозможности незаметного туда проникновения.

- Свет очей моих, как ты прекрасен!

Я, вздрогнув, обернулся к говорившему: не высокий и полный, с дрожащими от нетерпения руками. Мерзость. Но я мило улыбался этой скотине в человеческом облике. Мысленно выстраивая еще один вариант решения нашей задачи.

- Сколько ты хочешь получить за ночь? – нетерпеливо дернулся ко мне коротышка.

- Что деньги? Прах. - выскользнул я от него.

- Чего же ты хочешь? - заинтересованно прошептал он, поймав мою руку и облизывая запястье.

Я оттолкнул дрожащее от страсти тело, опрокинув его на пол уселся сверху, позволив вцепившись в мои бедра тереться об себя напряженным членом.

- Говори же! – стонал подо мной коротышка.

Я задумчиво поглаживал его грудь, просчитывая варианты. По полученной от Ферзя информации он был скуп и тщеславен. Сыграть на слабостях?

- Мне нужен сильный и страстный любовник. - склонившись к самым губам, шептал я. - Который будет не последним человеком в этом мире.

- Ты умный мальчик.- дрожа от желания скулил коротышка.

И я, скользнув вниз к его коленям, стянул штаны, обнажая исходивший смазкой член, сплюнув на ладонь, я быстро довел его до разрядки.

Брезгливо обтерев ладонь о его одежду, я поднялся.

- Подожди. - прохрипел коротышка, путаясь в стянутых до колен штанах. - Как я могу тебя увидеть?

- Я приеду сам. - бросил я ему через плечо и покинул комнату.

Немного прогулявшись по дому, сделав вид, что заплутал, я заметил датчики движения и камеры. Ну что ж задача усложнилась. Вскоре ко мне подошла охрана и вежливо, но настойчиво проводила в комнату для танцовщиков.

В отель я возвращался отягощенный новыми проблемами. Ферзь не говорил о том, что весь дом утыкан камерами и датчиками как именинный торт свечами у столетней старушки. Или это Игорь так переполошил их?

Я стал любовником коротышки, внутренне морщась от невыносимой брезгливости, на все сто процентов выкладывался в постели, даря ему все свое мастерство. Мысленно убивая его раз за разом.

Я знал, что я делаю. Я понял, что он причастен к исчезновению Игоря, заметив небрежно брошенную среди безделушек на столе фенечку Игоря, свитую из кожаных шнурков. Эту фенечку ему подарил Гайс, давая понять, что он и Шамиль принимают Игоря в качестве моей пары. И с тех пор Игорь добровольно не расставался с этим незатейливым украшением.

Каждый шаг, сделанный через порог кабинета коротышки, укреплял во мне уверенность в том, что именно он причастен к смерти моего любимого. Я по крупицам собирал любую информацию, тщательно сортируя и обдумывая, я выжидал того момента, когда можно будет воспользоваться своим шансом влезть в сейф. Этот металлический ящик, спрятанный за вульгарным, но богатым ковром в нише стены привлекал меня, я чувствовал, что именно там найду ответы на свои вопросы.

Я забыл о том, почему я здесь, оставив мысли о Ферзе где-то на задворках своего сознания. И только желание узнать и отомстить заставляло меня раз за разом терпеть любовные игрища коротышки. А он изливаясь похотью становился все ненасытнее. Подсаживаясь на мою любовь, как на сильнейший наркотик. Не проходило и дня, чтобы он, нервно поскуливая, не звал меня разделить с ним ложе... И я, изнывая от ненависти, шел.

- Оставайся, мой драгоценный, я дам тебе все, что ты пожелаешь. - наконец созрел коротышка, остывая после любви.

- Что ты можешь мне дать?- лениво перекатился я на спину и томно подтягиваясь спросил я его. Внутри у меня все замерло в ожидании ответа.

-Я богат. - хрипло выдохнул коротышка. - Смотри.- он рывком поднялся и протянул мне руку.

Я завязал узлом на бедрах полупрозрачную ткань встал. Он суетливо отдернул ковер со стены, набрал код сейфа. Подождав мгновение, отсканировал сетчатку своего глаза, распахнул внушительную дверцу. В сейфе не было пачек денег, ценных бумаг: весь он был заполнен небольшими коробочками и мешочками. Лихорадочно выдернув один из футляров, он раскрыл его передо мной. Я непроизвольно вдохнул от великолепия драгоценных камней, украшавших ювелирное изделие. А он, лихорадочно вытаскивая футляры, открывая их одну за другой.

Жизнь с Хамданом научила меня понимать стоимость драгоценных камней. И тут были поистине сокровища. Но все это было новоделом. Да прекрасны, почти бесценны... Но все они не стоили и половины, последнего украшения, которое дрожащими руками коротышка, достав из футляра, надел на мою шею.

- Ты, драгоценный мой, словно самим творцом создан для этого. Знал бы ты, что это такое... - мелко подрагивающие пальцы поглаживали тонкую вязь золота, широкой сеткой покрывающую мою шею, плечи и почти достигая сосков, нежно розовые бриллианты необычной огранки и золотистые опалы, искусно составлявшие звезду, таинственно поблескивали на моем теле.

- Это старинное украшение было заказано самим Соломоном...

Я нежно оглаживая драгоценную сеть, прикрыв глаза. Как же он ошибался... Я знал об этом украшении все...

Подарок Соломона царице Савской, символ его любви, почти легендарная полумифическая Золотая сеть со Звездой Давида... Последнее дело Игоря. На моей шее. Точка в моем деле.

Я, легкомысленно засмеявшись, скользнув к столу, где который день сиротливо валялась фенечка Игоря. Натянув ее на свое запястье, я поднял свои кинжалы, спрятанные в складках своей одежды. Не разгибаясь, я метнул их в коротышку. Одно в правое плечо, другое в ногу.

Коротышка с расширившимися глазами тяжело осел, неверяще смотря на меня. Дикий почти животный крик, разрезал плотную от скопившегося страха тишину комнаты. Но я, метнувшись к нему закрыл рот ладонью. Склонившись над истекающим кровью коротышкой, я ласково сказал:

- Тихо, не шуми и может быть ты будешь жить. Что случилось с Virtuozом?

- Ты...- прохрипел коротышка...- Ты не уйдешь отсюда. Ты сдохнешь, как и твой Virtuoz, в подвале этого дома. Три дня крысы ели его нутро, а он жил. Но для тебя я приготовлю что-то более интересное.

-Я тебе верю. - согласно покивал я головой. - Но тебе не узнать этого. - и я с удовольствием всадил сай в его сердце. Тело в моих объятиях, дернувшись в последней агонии, потяжелело и стало лишь ненужным грузом.

Неторопливо обтерев кинжалы, я уничтожил следы своего присутствия в этом доме. Я знал, что никто не посмеет до утра нарушить наше уединение. Привыкнув к тому, что я появляясь на пороге этого дома исчезаю только на рассвете. Я никогда не прикасался к еде и напиткам, никогда не открывал своего лица, никогда не выходил за пределы комнаты, никогда не просил отвезти меня.

Подхватив с пола свою одежду, я перевернул ее изнанкой, разрезав тесьму и моя привычно красная одежда стала черной одеждой замужней женщины, развернув причудливо сложенный тюрбан я превратил его в непроницаемую чадру, прячущую лицо. Последним штрихом я закрыл прорезь для глаз темной сеткой, превращаясь в саиду этого дома.

Неслышной тенью я выскользнул сквозь открытое окно на террасу, растворившись в темноте ночи, светильники были небрежно потушены ветром, давая мне возможность укрыться в темноте. Достав глушитель, я включил его, внося помехи в работу камер и датчиков, скользнул в женскую половину мимо расслабленно спящих охранников, привыкших полагаться на современные методы охраны.

Найти комнату госпожи труда не составило. Самые роскошные апартаменты. Неслышно тенью я остановился у изголовья кровати. Легкий укол малыми лезвиями сай, смоченные в специальном составе, который погрузит ее в сон на несколько часов и даст мне время. Задрапировав тело женщины в бесчисленные складки легчайшей ткани, так что бы ее не было видно, я присел на кровать ожидая, когда же в комнату поскребется прислуга. Тщательно изучив жизнь женщин этого дома, я узнал, что госпожа рано утром, еще до первых призывов муэдзина, покидает дом, направляясь на рынок за свежайшей рыбой. Мое сердце было на удивление спокойно. Я убил человека, похитил величайшую драгоценность этого мира, находился в маленьком шажке от разоблачения, но был спокоен.

Глубокая умиротворяющая печаль опустила на мое сердце. И я, коснувшись еще раз украшения оставшегося на моей шеи, мысленно попрощался с Игорем. Отдал его долги этому миру и поставил красивую точку в его деле. И только мысль о Гайсе, Шамиле и Александре не давала мне расслабиться.

Наконец дверь тихонько отворилась, и я, вставая с кровати, выпрямился в своем черном одеянии поплыл, старательно копируя жесты и походку хозяйки, стараясь чтобы даже кончики пальцев не мелькнули из под широких рукавов одеяния. Выйдя из дома и сев в машину, я нервно сглотнул еще немножко... Еще чуть-чуть...

Оставив шофера дожидаться около машины я направился к рыбным рядам. Неторопливо обходя их, я незаметно скользнул в узкий проход, уходя из поля зрения, и сорвался на бег. У меня есть несколько секунд до того, как прислуга заметит мое отсутствие.

Я свернул в маленький дворик и, укрывшись в темноте раскидистых деревьев, сдернул чадру и верхнюю рубашку, вновь перелицовывая одежду, превращая ее в подобие мужской одежды.

Путая следы, я уходил улочками, изученными мной до последнего закутка, пока не добрался до маленького домика на окраине города, снятого мной еще в первые дни моего пребывания.

Там, обрезав волосы и перекрасив их в черный цвет, вставив в глаза цветные линзы и поменяв одежду, я превратился в европейца. Запечатав в плотную коробку футляр с кинжалами и спрятав в потайное дно похищенное украшение, я отправился в аэропорт.

Там, отправив почту улыбчивому атташе, я прошел на посадку. И только в салоне летящего самолета я почувствовал как волна истерики начинает подкрадываться ко мне.

Я, закрывшись в узком отсеке туалета, до кости прокусив запястье, глотая кровь и слезы, тихонечко завыл.

===== 18 =====

С тех пор я стал вором высокой квалификации.

Ферзь сливал мне только самые сложные заказы, которые в силу своей специфики мог выполнить только я.

Я каждую свободную минуту оттачивал мастерство, понимая насколько снисходителен был Всевышний ко мне во времена наших первых авантюр, позволяя выйти не просто без потерь, но и заработать. И я кочевал по бескрайним просторам его вотчины, совершая виртуозные кражи и пополняя свой счет очередной суммой и заряжая душу адреналином, который поддерживал во мне желание жить.

И только рядом с Гайсом и Шамилем я на короткое время обретал покой, радуясь тому, что они обрели свое счастье.

Но я чувствовал себя выпавшим из их жизни пазлом и оставаться долго в этом мирной гавани не мог, снова и снова берясь за работу, или покидал их в поисках очередного урока мастерства.

Но мою душу поглощала пустота, покрывающая тонким слоем пепла любые эмоции, словно приглушая и притупляя их. С каждым новым делом я чувствовал как и этот источник адреналина сходит на нет. Я исчерпал и его. И теперь вспышки удовольствия, которые приносили мне виртуозно выполненные заказы, становились тусклее и скуднее. Вскоре и они сошли на нет. И я уже морщился с неохотой соглашаясь на очередной заказ.

- Перстень с розовым бриллиантом. Крупнейшим в мире. Сложность в том, что хозяин не расстается с ним. Но есть сведения, что он собирается его продавать. Продажа пройдет в два этапа. Первая - демонстрация и через неделю продажа. Демонстрация во вторник. И того у

тебя на подготовку три дня и потом неделя дорабатывать план. - голос Ферзя в трубке был как всегда равнодушно-холодный. - Берешься?

- Нет. Я не люблю розовые бриллианты. - равнодушно отмахнулся я, памятуя о своем первом заказе.

- Я помню. Таир, ты отказываешься от заказов уже несколько раз. Теряешь квалификацию. Не думай, что ты незаменим. Не хочешь, уговаривать не буду. Тебе уже есть замена. Работает не хуже.

-Да? - где-то в глубине моей души появился маленький огонек интереса.

- Подумай. Демонстрация пройдет в отеле «Moon Tower»... Ты же помнишь где это?

- Конечно. - равнодушно кинул я в трубку и отключился.

“Нет возврата к прошлому” - убеждал я себя, неспешно потягивая зеленый чай.

“Прошлого нет” - вновь повторял я себе.

Но чашка с чаем уже остывала на столе, а я рассматривал свое отражение в зеркале. Я давно не брал заказы и поэтому мои волосы были настоящего, огненно-рыжего цвета. Отрасти они еще не успели и мягкими кудряшками обрамляли осунувшееся лицо. Я пристально всматривался в застывшего в зеркале незнакомца, привыкшего носить личины: бледное лицо с заострившимися чертами; утомление тонкой тенью залегло под глазами, а скорбная складка навечно изменила рисунок губ.

Интересно помнит ли обо мне Хамдан? О чем это я? Сколько у него было наложников до и после меня одному Всевышнему известно...

Ночью я лежал без сна. Прошлое с настойчивостью злой осенней мухи, больно покусывало мою душу, не давая ей покоя... Хоть один раз... Со стороны посмотреть... Можно будет посмотреть на работу того, кем так похвалялся Ферзь... Оценить конкурента ... Искало лазейки в моей обороне желание.

“Зачем я туда лечу?” - в который раз спрашивал я себя. Зачем? Но моя душа металась в странной тоске, не давая ответа на такой, казалось бы, простой вопрос. И я, измученный непонятным состоянием, словно сомнамбула, рассматривал облака за стеклом иллюминатора.

Как и много лет назад, меня обволокла влажная жара, стоило мне только выйти из здания аэропорта. Я, привычным жестом закрыв лицо и спрятав глаза за темными стеклами очков, взял такси.

- «Moon Tower», пожалуйста и побыстрее.

- Как будет угодно, господину. - удивленно ответил мне таксист, с интересом рассматривая меня в зеркало.

Я досадливо вздохнул. Ошибка. Я, не подумав, сразу перешел на его родной язык.

Теперь он меня точно запомнит. Неужели Ферзь прав, и я теряю квалификацию?

Заперевшись в номере, я подробно изучал схему здания, помечая всевозможные пути отступления и помечая объекты повышенного наблюдения. С педантичной точностью раз за разом проверяя и перепроверяя себя, я уже исчерпал лимит своих ошибок. Так дилетантски промахнувшись с таксистом, большего позволить себе я не мог.

После, спустившись в ресторан, где должна будет пройти демонстрация, я заказал поздний ужин, отмечая дополнительные детали и, незаметно сканируя зал, отыскивая своего конкурента. Задержавшись взглядом на невысоком брюнете, который старался быть как можно более незаметным, я усмехнулся. А вот и он.

Извечная ошибка - он не учел разницы в менталитете. И, стараясь стать как можно незаметнее, наоборот привлекал к себе ненужное внимание. Восточный мужчина старается подчеркнуть свою значимость и не остаться незамеченным. И эти суетливые непродуманные жесты моментально выдают в нем иностранца.

Я расплатился. Больше тут делать нечего.

Переодевшись в легкие светлые брюки и просторную рубашку, спасающую от жары, я отправился бродить по вечернему городу, изображая праздного туриста.

День демонстрации я намеренно пропустил, зная, что именно в этот день охрана трижды проверит и перепроверит любого, кто пусть даже случайно окажется рядом.

Пользуясь свободным днем и стараясь в этот день быть как можно дальше от отеля, чтобы не привлекать к себе внимания, я отправился побродить по базару.

Перебирая струящиеся ткани, любуясь на блеск драгоценностей, вдыхая насыщенный аромат специй, я словно снимал замки, навешанные на дверь, ведущую в прошлое, и перед моими глазами оживали наливаясь цветом и эмоциями картинки из прошлого.

Я зашел в полутемное здание старой кофейни и, утонув в мягком низком диванчике, вдыхая насыщенный аромат кофе, я заказал шиша. Утонув в клубах его дыма, словно отгородившись от действительности я позволил себе вспомнить... И перед моим внутренним взором из наглухо затворенных глубин души возродились лица.

Малик со своим слепым следованиям традициям.

Наджиха, готовая пойти на все ради своего сына.

Амир, не сумевший усмирить свою гордость.

И я, разгоняя ладонью клубы дыма, развеял и эти образы, которые так перелицевали мою жизнь, но больше они ничего не значили в моей жизни.

Я вспомнил Гайса, таким как первый раз увидел его: невысокий, хрупкий, с бесконечным терпением и покорностью судьбе, и мое сердце тонко защемило. Я, словно очнувшись после долгого бреда, опять остро почувствовал бесконечную нежность. Он - моя светлая часть души.

Шамиль. И его образ принес с собой неутомимое желание жить и чувствовать. Он словно сам источник жизни.

Игорь. И лучики счастья пробили мою душу, окрасив ее привкусом счастья с горчинкой. Как мало мы были вместе и как много ты мне успел дать.

Хамдан...и глубокая вина затопила меня, вспыхивая ярким румянцем на скулах... Хамдан, как я виноват перед тобой, и ты незаживающей, зудящей раной бередишь мое сердце. И болезненный стон сожаления, сорвавшийся с моих губ, заставляет меня вынырнуть из прошлого.

Оставив деньги и нетронутый кофе, я ушел с разворошенной душой. Я словно стянул с нее паранджу, выставив ее на показ и она, остро чувствуя свою незащищенность и стыд, хотела забраться поглубже и спрятаться, но я не позволял. Это садистское удовольствие после почти абсолютной невозможности чувствовать приносило мне извращенное удовольствие... И я опьяненный силой этих эмоций ошалело брел по ночному городу, вызывая недоуменные взгляды у прохожих.

Очнулся я только перед входом в отель. Непривычная тишина сковала холл роскошного здания. И я кожей почувствовал, как напряжение невидимым барьером удерживает людей на месте.

Животный инстинкт самосохранения сиреной взвыл в моем подсознании, заставив меня отшатнуться и попытаться уйти отсюда как можно незаметнее. И я, скрываясь в тени буйной зелени, украшавшей холл, попятился назад.

Но, видимо, судьба сегодня решила расставить все точки в летописи моей истории.

И я вздрогнул от ладони, опустившейся на мое плечо.

- Здравствуй, Джарван.

Я, нащупав рукоятки кинжалов, спрятанных под одеждой, резко обернулся.

- Хамдан. - выдохнул я, опуская руки.

Я смотрел на него не в силах отвести взгляда и тонул в море бушующих эмоций, затопивших все мое сознание.

- Хамдан. - попытался я зацепиться за его имя, словно утопающий за спасательный круг.

- Как ты думаешь, Джарван, Всевышний наверное превосходный шахматист?Посмотри какую комбинацию разыграл он.

- Я не понимаю...

- Когда-то давно ты был сокровищем моего сердца, но исчез для того, чтобы спустя столько лет похитить другое сокровище. Вполне материальное. Розовый бриллиант, Джарван. Зачем он тебе? Сколько заплатили тебе для того, чтобы ты обворовал меня?

- Это не я.

-Джарван, ты опять лжешь. - Хамдан обреченно покачал головой. - Взять его. - кинул он в сторону своим церберам.

И через мгновение, мои руки выкручивали, опуская перед ним на колени.

Хамдан, склонившись, одним безошибочным движением достал мои кинжалы.

- Когти Львенка. – он провел по острию и посмотрев на капельку выступившей крови аккуратно слизнул ее. – Нам надо побеседовать, не так ли?

Я не сопротивлялся. Я сам хотел этого разговора, пусть и в качестве обвиняемого. Но это будет мой шанс. И поэтому я спокойно позволил себя увести из отеля, краем глаза отметив того самого вора. Самодовольная улыбка победно осветила его лицо, когда мы встретились взглядом. Я горько усмехнулся, отмечая его самонадеянность.

Меня привезли в дом Хамдана и проводили в его кабинет. По пути туда я жадно разглядывал, отмечая знакомые детали и изменения, которые произошли за это время. Желание прикоснуться руками к знакомым предметам было неимоверно сильным. И когда меня привели в кабинет и нас оставили наедине, я, не удержавшись, огладил кончиками пальцев край стола, обводя затейливую вязь рисунка.

- Кофе?- Хамдан неторопливо шагнул к очагу, водружая турку на раскаленную решетку маленькой жаровни. Вода в турке почти моментально закипела и, сдвинув ее, он насыпал туда размолотый почти в пыль кофе, щедро добавив туда кардамон и сняв, разлил по маленьким чашечкам.

По кабинету поплыл густой насыщенный аромат, который подействовал на меня странно успокоительным образом. Я вдруг понял, что все закончилось. Странное нелогичное чувство завершенности наполнило меня, усмирив душу.

Я, вдохнув этот густой аромат, неторопливо рассматривал сидящего напротив меня человека. Отмечая, что с возрастом черты его лица стали жестче, суровые складки пролегли от крыльев носа к уголкам губ, словно эти губы давно не улыбались. Легкая морщинка, тонким штрихом застывшая между бровями выдавала то, что, как и раньше, он много работает. На висках поблескивали новые ниточки лунной седины, которая совсем не старила его, а напротив, скрадывала несколько лет, делая его как-будто моложе.

- Я не причастен к краже бриллианта. Я даже не знал, что ты решил купить его.

- Почему я должен поверить тебе, Львенок?

- Хамдан. - я придвинулся к нему. - Столько лет...

Он протестующее поднял руку:

- Не надо, Львенок. Не разочаровывай меня еще больше. Я слишком много знаю о тебе, чтобы поверить в эту игру.

- Что же ты знаешь обо мне? – прошептал я, чувствуя как сердце разрывают противоречивые чувства радости и боли.

- Ты вор, Львенок, один из лучших. Много побед на твоем счету и главная - это Звезда Соломона... Это сделало тебя почти легендой. Свести с ума самого осторожного человека, который, стараясь купить тебя, сам одел тебе его на шею... Я его понимаю. Тогда я еще помнил, насколько ты хорош. Но его труп напомнил мне, что ты хорош не только в постели. У тебя еще есть когти. И потом тебя уже ничего не останавливало. И ты, возникая то тут, то там

оставлял свой призрачный след и сказки про белого духа, который, возникая из воздуха и прихватив себе что-то, вновь исчезает. Я очень любил слушать эти легенды, стараясь понять почему ты делаешь это. Но сегодня, Львенок, ты совершил ошибку.

Я слушал Хамдана, не отрываясь от его изгиба его губ, следя за красивыми плавными жестами его рук, и меня потихоньку наполняла тихая радость.

Алогичная, необоснованная и безостановочная она топила меня, заставляя улыбаться, и я чувствовал себя наполненным теплым трепетным счастьем.

Что бы не разделяло нас, какие преграды бы Всевышний не поставил, какой бы дорогой он меня не вел, но я пришел к нему. Через боль, через страх, через унижения, через любовь и потери.

Я стянул с руки фенечку, принадлежащую Игорю и протянул ее Хамдану. Он, споткнувшись на полуслове, вопросительно посмотрел на меня.

- Я убил его из-за этого. - улыбнулся я ему. - Хочешь расскажу?

Я подгрел к себе одну и множества подушечек и сполз с ней на пол, устраиваясь у его ног. Откинув голову на его колени, закрыл глаза и начал с той самой минуты как провожал его самолет. Я чувствовал, как в душе словно тает комок стылого снега ,выходя наружу словами и горячими дорожками слез.

Я рассказывал, чувствуя как его пальцы сначала робко и не хотя зарываются в мои волосы, как они застывают в ласке, как они вздрогнув снова начинают перебирать мои локоны. Понимая, без слов понимая, что принимает его душа, чему верит, что вызывает в ней протест и боль. Я отдавал ему себя на откуп, без оговорок и без сожаления. Я верил вот так до конца. Закончив, я замолчал.

Поймав его пальцы, я притянул к губам и, слегка касаясь их поцелуями, ждал. Ждал его шага навстречу. Мой путь к нему, к его доверию, к его любви будет долгим и не простым, но я готов. Но, если он сделает мне шаг навстречу, этот путь станет короче. И его пальцы слегка сжали мои, отвечая...

-Львенок...